

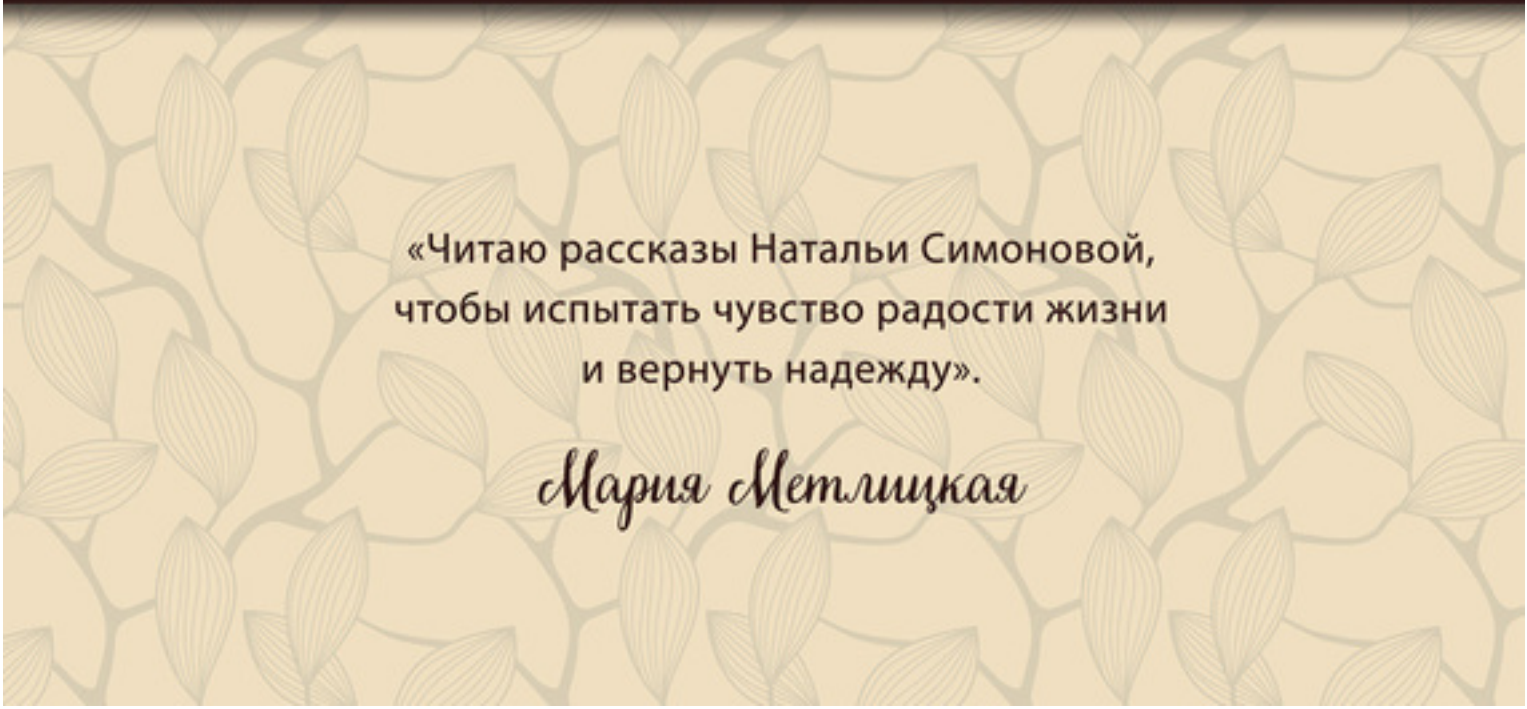
Наталья Симонова

БУДЕМ МЕНЯТЬСЯ
МУЖЬЯМИ?

СОСТАВ: Оптимизм - 40%, спокойствие - 25%,
уравновешенность - 15%, доброжелательность - 20%

«Читаю рассказы Натальи Симоновой,
чтобы испытать чувство радости жизни
и вернуть надежду».

Мария Метлицкая

Все еще будет!

Наталья Симонова

**Будем меняться
мужьями? (сборник)**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Симонова Н.

Будем меняться мужьями? (сборник) / Н. Симонова —
«Эксмо», 2018 — (Все еще будет!)

ISBN 978-5-04-090890-5

Супруги Нина и Толик Гельман так давно дружат с четой Яной и Петей Орловыми, что пары срослись намертво – вступили в перекрестную любовную связь. Нина Гельман тайно встречается с Петей Орловым, а Яна Орлова – с Толиком Гельманом. В их отношениях царит гармония, каждый находит в любовном партнере то, чего недостает в законном супруге. Но однажды тайна открывается... Новый сборник Натальи Симоновой – о совершенных и несовершенных ошибках, о горечи потерь, о переосмыслении и выборе, который волен сделать каждый.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090890-5

© Симонова Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Крестики-нолики	6
Остановиться. Оглянуться...	20
Любовь после катастрофы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Симонова

Будем меняться мужьями?

© Симонова Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Крестики-нолики

Инесса разгладила складки на юбке и опять уставилась в окно. Сидела в кафе уже полчаса – и это начинало раздражать. «Почему Лидка всюду опаздывает? Почему я никуда не опаздываю?» – думала Инесса, хмуро высматривая за окном нахалку Лидку.

Наконец в отдалении замелькал ее светлый плащ, подруга явно спешила, суетливо обегая прохожих, то есть все-таки понимала, что виновата. И это еще немножко подхлестнуло праведное негодование Инессы. Она полоснула ворвавшуюся в кафе разгильдяйку холодным взглядом.

– Лид, по-твоему, это нормально?

– Прости, Инуш! – запыхавшаяся Лида плюхнулась на стульчик напротив и с грохотом опустила рядом раздутую дамскую сумочку. Но сразу вскочила, снимая плащ и осматриваясь.

– Вешалка у входа, – процедила Инесса, из-за суетливости подруги раздражаясь опять.

Лида наконец угнездилась напротив, подняла глаза и вдруг заплакала, засморкалась. Ина оторопела.

– Ты что, Лид? Случилось что-нибудь? Что такое, что произошло?

Та вытирала слезы, мотала головой, но все не могла остановиться.

– От меня Юрка ушел, – прорыдала наконец.

– Упс! – выдохнула Ина. – Когда?

– Вчера. У него кто-то есть, это точно! – Лида снова захлебнулась рыданиями, а Ина молча застучала пальцами по столу. Лида подняла зареванное лицо, страдальчески глядя на Ину. – Ты понимаешь, двадцать лет!

Подруга молчала. И Лидия молчала, видимо, ожидая реакции.

– Двадцать лет, – повторила трагически, – коту под хвост. Сказал: достала. Сказал: ухожу... Я отдала ему лучшие годы! А он говорит, ухожу к другой...

Ина pokrивилась.

– Лучшие годы потратила на эту сволочь! – не унималась Лидия, все больше проникаясь драматизмом ситуации.

– Ты на него, – прохладно заметила Инесса, – а он на тебя.

Лида не слушала, словно погрузившись в самогипноз.

– Двадцать лет прожили – а теперь меня отшвырнули, как старую тряпку, – твердила она.

– Лид, не накручивай себя, – посоветовала Инесса. – Ну ушел – и ушел. Поживете отдельно. Потом помиритесь.

– Ты думаешь? – подскочила Лидия. – А эта его? Она же небось молодая, красивая. Это от старой жены легко уйти, а от молодой...

– А ты уверена, что у него кто-то есть? И что это серьезно?

– А куда ж он тогда подался?! – вскричала Лида.

– Все бывает, – сказала Ина.

– Ты такая странная... как будто тебе безразлично.

– Не вижу трагедии. Двадцать лет! Двадцать лет!.. – передразнила Инесса. – Я, между прочим, эти двадцать лет без мужа прожила – и ничего, не вою. У тебя были прекрасные двадцать лет, и их уже никто не отнимет! Так что нечего из меня слезу выжимать.

– Прекрасные! – взвилась не понятая в худших чувствах Лидка. – Я на него ишачила, детей ему родила, я... – Она собиралась перечислять свои заслуги и потери, но Ина перебила:

– Вот именно! И детей родила! Так что нефиг тут слезами умыться. Двадцать лет!.. Лучшие годы прошли в любви! Детей вырастили! И насчет «ишачила» – мне-то не рассказы-

вай. Ты тоже не подарок. А Юрка все же был нормальным мужем. А то я не знаю! Двадцать лет... Двадцать лет секса! – все не могла она успокоиться. – У меня раз в год случалось – и ничего, не истерю. Я что – хуже всех? Вроде не хуже. А судьба такая. А у тебя, может, судьба сейчас с мужем разойтись. Почему нет? Тебе разве кто-то обещал, что все в жизни будет хорошо?

– Какая же ты дууууууура, – совсем раскисла подруга, заваливаясь от безудержных рыданий на стол. Инессу наконец пробрало раскаяние.

– Ну ладно, Лид... Ну, Лидуш, ладно тебе. Прости меня, я не права. Просто... ты опоздала опять... на полчаса. Задолбалась уже ждать тебя, вот и выбесилась.

Не сердись, Лид, не плачь.

– Юрка меня бросил, а ты добиваешь, – скулила подружка, ожидая новых слов утешения.

– Да Юрка твой еще одумается! – воскликнула Ина.

– Ты правда думаешь, что так может быть? – озарилась надеждой покинутая жена.

– Господи, у Юрки-то? Да он сам не знает, чего хочет.

– Ин, поговори с ним, – взмолилась Лидия. – Узнай, чего он... Верни дурака в семью, а?

– Я-то с какой стати! – возмутилась Ина.

– Он тебя уважает, и потом, если не ты, то кто?!

– Да о чем мне с ним говорить, – пробурчала Ина, уже сдаваясь.

– Ну пожалуйста, он тебя послушает, ты умеешь убеждать, ты же на работе начальник!

В общем, Инесса достала телефон и набрала номер Юрки.

– Привет, – приступила решительно, – поговорить надо.

В это время видный собою, но слегка, по мнению Инессы, недалекий муж Лидии и их общий одноклассник сидел в машине в двух кварталах от своего дома и не знал, что ему делать. К той девице, с которой иногда встречался, тащиться не хотелось. Во-первых, не со всякой же жить, с которой... А во-вторых... Во-вторых – достаточно и во-первых! Но и жена в последнее время дико бесила. Эти ее вечные ток-шоу по телику, главное – эти соцсети... Окончательно достала недавней выходкой, когда разместила в Фейсбуке скан его записки двадцатилетней давности, которую он написал ей, сгоряча и спьяну, после возвращения из армии. Что-то там про любовь и верность, и разные сюси-пуси. Так эта дура не только сохранила на него такой компромат, но и опубликовала в своей помойке! Просто зла не хватает! Он бы и не узнал никогда, что над ним все кому не лень потешаются, да приятель Ленька попенял, что вот-де ты жене сопливые письма пишешь, а та потом в соцсетях подружкам хвалится. И в результате его собственная баба заела, почему у людей, мол, чувства, а от тебя никогда ничего не дождешься, так что прямо нечего девочкам показать. И ведь тетki уже взрослые, а все туда же... Юра, как это услышал, оторопел, ничего, говорит, я ей не писал, что я – пацан, что ли, записочки писать? А Ленька планшет открыл и на страничке жены нашел в ленте эту проклятую записку, да еще с Лидкиными сюсюкающими комментариями. В общем, осрамила дражайшая супруга, и даже сама не понимает, чего, дура, наделала. Видишь ли, привычка у нее такая: чуть что – сразу отчет для подружек строчит.

И теперь Юра не знал, как быть – уйти-то ушел, а куда податься? Не обдумал. Можно было поехать к родителям, но там сестра с семьей... Можно квартиру снять – но это быстро не получится, да и вообще... Лучше бы всего зажить у хорошей женщины, красивой, любящей, без всяких там соцсетей... Да где такую возьмешь? Вообще-то он не знал точно, хочет ли в самом деле разводиться или просто попугать мартышку-жену, чтобы неповадно было личную жизнь перед всем миром выворачивать.

С Инессой они встретились в кафе, причем Инесса, прибыв на «свидание», даже помаду на губах не обновила – так безразличен ей был Лидкин муж. Юра между тем предложил выпить, она, конечно, отказалась. Взяли по кофе, уселись в углу.

– Так, – без предисловий начала Ина, – ты чего вытворяешь?

– А что я вытворяю? – пожал плечами Юра.

– Почему Лидка рыдает, говорит, ты из дома ушел.

– И ушел. Потому что с ней жить невозможно!

Поворчав, Юра хмуро и вяло, размазывая, но все же более-менее внятно, чтобы Ина поняла, в чем дело, рассказал про записку.

– Ты вот в соцсетях много сидишь? – воскликнул гневно, ожидая, что отрицательный ответ Инессы еще больше обличит его пустоголовую супругу.

– Сiju, конечно, – не оправдала ожиданий Ина. – Как все. Удобно. Сообщениями обменяться, деловые контакты поддержать на более коротком уровне.

– Во-от! – воздел палец Юра. – А она там – живет!

– Так. Это все обвинения? – уточнила практичная Ина.

– Не все, – возразил Юра. – Она достала уже своей глупостью.

– Ага, – кивнула Ина. – То есть теперь ты нашел умную, да?

– Умную! – самодовольно воскликнул Юра. – Что я – дурак, что ли, на библиотекарше жениться!

– То есть твоя новая – библиотекарша? – кивнула Ина, стараясь разложить все по полочкам.

– Да какая, на фиг... – отмахнулся Юра. – Ну просто ты сказала «умную», вот я и... Библиотекарша, говорю, сидит целый день, книжки читает – ну и типа она самая умная...

– Ясно, – перебила Ина. – Пошутил, значит. Так к кому ты ушел?

– Да ни к кому! Думаешь, все так просто?

– Ясно. И что тогда?

– Сам не знаю. А вот к тебе, Ин, я, кстати, всегда был равнодушен, – неожиданно заявил беглый муж.

– Здравствуй! – рявкнула Ина. – Только этого не хватало!

– Ну а что? – увлекся идеей Юра. – Ты одна, мужика нормального не нашла. А тебе хороший человек нужен, а то так и засохнешь без ласки. И мне ты... ну вот честно... вот прям то, что надо...

– Забудь! – жестко отрезала Ина. – Давай с Лидкой мирись. Она ж не со зла. Ну ты ее знаешь: что на уме, то и на языке.

– Ага, а что на языке, то и в Фейсбуке. Достала уже эта ее простота.

– А всё ведь так! – возразила Инесса. – Вот любое достоинство, посмотри его с другой стороны и увидишь недостаток. Лидка простодушная, открытая, незлопамятная, доверчивая... Тебе ж это нравится? Всегда нравилось. Небось сколько раз пользовался... А с другого конца болтливость и бестолковость.

– Все-таки ты умная, – сделал вывод Юра. – Вот поэтому и замуж не выходишь! – добавил назидательно. – Уж слишком умничаешь, мужику с тобой слова вставить некуда.

– Ты определись уже, умные тебе не нравятся или глупые.

– А ты что – согласна?

– На что?

– Ну, чтоб я у тебя пожил?

– Что значит ПОЖИЛ? – рявкнула Ина.

– Ну, чтоб к тебе, короче, переехал, чтоб типа вместе...

– Сдурел, что ли? Помимо всего прочего, мы с Лидкой подруги! Головой надо думать!

«Интересно, – вдруг мелькнуло у Инессы, – а если бы Юрка не был таким придурком и мне хоть чуточку нравился, я бы так же была непреклонна? Только ради дружбы с Лидкой? Или все-таки...»

– Подру-уги! – протянул насмешливо Юра. – Если хочешь знать, женской дружбы вообще не бывает.

– Ну а ты-то откуда знаешь?

– Все знают, – пожал плечами Юра.

Ина допила свой кофе и достала кошелек.

– Обижаешь, – возразил он, мягко отводя ее руку с купюрой. Ина взглянула кокетливо и мысленно поставила бывшему однокласснику маленький плюсик.

– Юр, ну брось дурака валять, – попросила миролюбиво. – Куда вам с Лидкой друг без друга, сам подумай.

– Ладно, подумаю, – улыбнулся тот.

В школе Юра ухаживал за Иной с пятого класса. Хотя она никогда не относилась к этому сколько-нибудь серьезно и вообще не воспринимала Юрку всерьез. Ей нравились совершенно другие парни, поумнее, поинтереснее. А в конце десятого он коротко сошелся с ее подругой Лидочкой, найдя в ней чувствительную слушательницу для своих жалоб на Ину, и очень скоро понял, что именно она – а не своенравная Инесса, от которой не знаешь, чего ждать, – и есть его настоящая судьба. Внезапно тихая и заурядная Лида, Инессина тень, оказалась не неприметной одноклассницей, а нежной блондинкой с огромными голубыми глазами и очень женственной фигурой. Юра ушел служить во флот – Лидочка ждала три года. Он вернулся, и они сразу поженились, и в браке родилось двое детей.

А вот Ина замуж так и не вышла, но даже теперь, когда ей было уже хорошо за сорок, она все надеялась на семейное счастье и все никак не могла привыкнуть к одиночеству. Не научилась воспринимать его как свободу. Свободу от чего? – всегда думалось. – От любви? От помощи? От поддержки? Зачем она нужна?..

Лет десять назад обращалась к психологу. Даже к двум. Сначала ходила к женщине. Сразу объяснила, что не складываются отношения с мужчинами. Та много расспрашивала, кивала, эхом повторяла за Иной ее слова. Ине нравилось отвечать на вопросы, казалось вот-вот – и специалистка воскликнет: ну так вот же в чем дело! И они вдвоем наметят план преодоления проблемы. Женщина сказала: будем разбираться. Но в результате они так и не разобрались. Психологиня все тянула, много молчала, на нетерпеливый вопрос Ины – что во мне не так? – отвечала уклончиво: дело, мол, не в этом, нужно работать, распутывать, вопрос не простой, не быстрый. Давала домашние задания. Ине они не нравились, казались нелепыми и бессмысленными. Поначалу она еще пыталась преодолеть собственное недоверие, писала по заданиям как бы письма к себе самой, к маме, к мальчику, в которого была влюблена в детстве... Потом тетю-психотерапевта покинула без сожалений. Но тему для себя не закрыла.

Следующей попыткой был психолог-мужчина. Он говорил умеренные комплименты, это бодрило. Его она тоже спросила сразу: что не так?

– Никаких изъянов у вас не вижу, Инесса, – весело отвечал специалист. – Давайте разбираться, что вы, собственно, хотите от жизни.

– Да я семью хочу, – прямо объяснила Ина.

Мужчина тоже ковырялся в ее биографии, интересовался подробностями. «А какие женщины нравятся мужчинам?» – спешила выяснить она. «Нравятся всякие, – обнадеживал доктор. – Но в практическом смысле этот факт важен только в одном аспекте: никакие недостатки не могут стать гарантированной причиной неспособности женщины привлечь мужское внимание. И если бы наша жизнь и наша молодость были вечными, я бы просто советовал вам подождать, Инесса. Потому что точно и обязательно существуют мужчины, которые ищут вот именно такую женщину, как вы. И вы бы спокойно и без суеты дожидались вашей судьбоносной встречи и десять, и пятьдесят, и сто лет – ведь, живя в вечности, спешить некуда. Но так как долго ждать мы по понятным причинам не можем, то важно расширить,

так сказать, контингент заинтересованных в вас мужчин по возможности скорее. Правда, важно еще понять, действительно ли вы-то сами заинтересованы в серьезных отношениях».

Они принялись работать над распутыванием Инессиных запросов. Но все опять пошло не так. Психолог то и дело в чем-то ее уличал, к тому же был авторитарен. А Ина и сама привыкла командовать. В конце концов ей стало некогда выкраивать в своем напряженном графике время для встреч, и она забросила консультирование.

Между прочим, тот тип утверждал, что многих мужчин, не очень в себе уверенных, отпугивает такая, как у нее, жесткая самостоятельность. Опасаясь за собственную самооценку, они якобы избегают подавляющих женщин, иногда намеренно, а чаще неосознанно. То есть если Ина не хочет ничего менять в себе, то, во-первых, нужно задуматься, действительно ли она желает серьезных отношений. А во-вторых, партнеров, которых не оттолкнет ее жесткость, следует искать или среди самодостаточных мужчин с хорошим статусом, или среди тех, кто сам желает подчиниться и ищет сильную пару. В первом случае Ина с избранником могли быть ровней. Или же он бы доминировал. Во втором – ее мужчина стал бы классическим подкаблучником, а она всю жизнь играла бы при нем роль альфа-самки. Против первого варианта Ина точно не возражала. Но время шло, а самодостаточных мужчин, желающих создать с ней прочный союз, так и не находилось. Так что карьера-то, как и раньше, шла у нее хоть не быстро, но в гору, а личная жизнь все не складывалась.

После встречи с Юрой Инесса набрала номер подруги.

– Что? – убитым голосом откликнулась та. – Что он сказал? Рассказывай подробно.

– Ну что сказал, – обстоятельно начала Ина, – говорит, позору из-за тебя натерпелся. Говорит, ты семейную жизнь в Фейсбуке наизнанку выворачиваешь.

– А про ту что? – нетерпеливо встала Лида.

– Про любовницу?

– Ну!

– Сказал, ушел не к женщине.

– А домой когда вернется? – жалобно пропищала Лида.

– Домой тоже не собирается.

– А куда ж подался?

– Куда попало, лишь бы не домой.

– А если я перестану в Фейсбуке светиться?

– Не знаю, про это мы не говорили. Но зол он на тебя конкретно.

– Так что же делать? – привычно зарыдала Лида.

Инесса вздохнула с демонстративным раздражением.

– Позвони. Извинись. Пообещай никогда больше этого не делать, – проговорила под черкнуто внятно, как для тупицы.

– Я звонила. Он мои звонки сбрасывает. – Лида горько плакала, не считая слез, не жалея глаз. Инесса вздохнула уже без всякой демонстрации.

– Лид, перестань рыдать, – посоветовала. – Ну побегает Юрка – и вернется, куда он денется.

– А если не вернется? Если опять сбежит? Я ж умру от ожидания. Как я буду мальчишек тянуть одна? Они у нас знаешь какие трудные?.. Нет, вот кобель, ты подумай! – автоматом вскрутила себя Лидия. – У детей трудный возраст – а у этого гон по телкам!

– О-о, как же все плохо с головой! – воскликнула Ина, теряя терпение. – Тебе бы хоть раз задуматься, почему он ушел. Ведь Юрка не к кому-то, он от тебя!

– Так и что мне делать?

– Во-первых, я тебе только что сказала, что делать: задумайся, отчего он сбежал. Измись, пока не поздно. Его твои привычки напрягают, а тебе хоть бы хны. Нельзя так! Все личное вытрепываешь подружкам. Свое-то ладно! Но ты его задеваешь, а он это восприни-

мает как публичный позор, можешь ты это понять? Тебе прислушиваться нужно к другим людям, к их чувствам. А то как дитя неразумное резвишься, а тебе пятый десяток.

Лида молчала.

– А во-вторых, возьми себя в руки. Я с ним поговорю, чтобы он тебя выслушал. Но уж ты тоже, будь добра, не с претензий начинай, а с извинений.

Лида молчала.

– Что молчишь? – спросила Инесса, не слыша возражений.

– Я не знаю, что сказать, – вздохнув, призналась подруга.

– Ну не говори, подумай.

– Ладно. А ты скажи, чтоб домой возвращался. Скажи, я уже все поняла.

– Ох... – вздохнула Инесса. – Попробую, что с тобой делать. Но вообще-то у меня еще и собственная жизнь имеется, не только ваша. Так что сама давай как-то решай свои вопросы.

– Нет, нет, Инуш, не бросай меня! – взмолилась Лида. – Если ты меня бросишь, он вообще не вернется. А так хоть надежда есть. – Она снова заплакала. А Ина осознала, что так и будет оставаться миротворцем в их надтреснувшем союзе.

Завтрашний звонок Юры только подтвердил эти опасения.

– Слушай, Инк... не занята? Дело есть... – мямлил он. – Точнее, не дело, а... В общем, на душе как-то мутно. Я тут недалеко, может, заеду? Или ты спускайся.

– Конкретно можешь сказать, – попыталась структурировать информацию Ина, – чего от меня хочешь?

– То есть ты против встречи?

– Юр, не включай сразу дурака. Я не сказала: против. Я спросила, чего ты хочешь от меня. Конкретно.

– Понимаешь... К Лидке обратно не могу... Тем более что наговорили друг другу перед моим уходом... разного... Ну, в общем, после таких разговоров...

– Так. Вот отсюда поподробнее.

– Ну давай к тебе поднимусь.

– Нет уж. Лучше сама спущусь. Ты скоро подъедешь?

– Да я, если честно, давно уже у твоего подъезда.

Ине представилось вдруг, что она девочка-подросток и во дворе ее будто ожидает мальчик, который нравится (господи, при чем тут Юрка-то!). Топчется, смотрит на Инины окна... Она и сама не поняла, почему возникла такая фантазия и отчего потеплело на душе.

«Ну да, – тотчас подумала после согревшего душу промелька, – только я не подросток и мальчик мне совсем не нравится, да к тому же есть «другая девочка» – его жена и моя подруга, между прочим... – Она постаралась собраться. – Значит так, что мы имеем: Юрка мается, Лидка мается – они практически готовы к примирению», – решила, отправляясь краситься наспех.

Юра сидел в машине задумавшись, из магнитолы неслись бодрые звуки радио «Шансон», но вид у Юры был невеселый.

– Чего скис? – гаркнула Инесса, плюхаясь рядом на переднее сиденье. – Рассказывай, чего хотел.

– Так это... Может, знакомым маршрутом в кафе?

– Ладно. Только резину не тяни, объясни сразу, в чем дело.

– Ин, ну что объяснять? Ты ж не маленькая, – буркнул Юрка смущенно, быстро взглянув на нее и снова отведя взгляд.

У нее опять екнуло в груди, рой мелких мурашек пробежал по спине. Ей представилось, что «мальчик» хочет объясниться «девочке» в любви... Они помолчали. Ина была немного сбита со своего миротворческого курса.

– Как дела? – прервал молчание ее попутчик, выезжая со двора, крутя головой то влево, то вправо, то оборачиваясь назад.

– У кого? – настороженно покосилась на него Ина.

– У тебя, – пожал плечами Юра, глядя на дорогу.

– Нормально... – Она недоверчиво его разглядывала. – А у тебя как?

– И у меня нормально.

– А зачем вызывал?

– Ну не знаю, – признался Юра. – Одному как-то не по себе.

– Да ты где сейчас живешь-то?

– Не волнуйся, не у женщины. У друга. У него ремонт в квартире, семья к теще переехала, а сам за мастерами присматривает. Ну и я с ним пока кантуюсь. Потом видно будет. Ты как? Не подумала про мое предложение?

– Какое?

– Ну типа... ты и я...

– Что ты и я?

– Ну, могли бы вместе...

– Лидка все время звонит.

– И что?

– Жалуется на жизнь.

– Что там у них?

– Дети, говорит, от рук отбиваются. И сама в депрессии.

– А чего ей! – усмехнулся муж. – Изложит свои страдания в соцсеть поподробнее – и полегчает. Как она – поделилась уже со всем светом про мой уход или слова подбирает?

– Не знаю. Я в Фейсбук нечасто заглядываю. Тем более в групповых чатах не участвую.

– Во-от, – удовлетворенно кивнул Юра. – А Лидка...

– Да знаю я! – рявкнула подруга. – Ты что, нормально поговорить с ней не можешь? Просто договориться – вот это можно, а вот это – нельзя! Ни под каким видом. Ну она ж не дура, поймет.

– Да дура она.

– На себя посмотри, спиноза! Ты, знаешь, тоже не семи пядей во лбу.

– Лоб у меня обычный, – заметил уязвленный Юра, – а вот извилин в голове побольше, чем у моей жены. И их хватает, чтобы понять, что с женщиной, которая меня позорит, жить нельзя.

Ину тронуло, что на грубую критику Юрка не ответил раздражением, а реагировал сдержанно и вполне рассудительно. Мысленно она поставила бывшему однокласснику еще один плюсики. Так много плюсикиков – целых два! – в глазах Ины у Юрки никогда еще не было, хотя знали они друг друга уже лет тридцать пять.

– Угу, – кивнула она, подумав, – допустим. Только ведь вам обоим поплохело от этого разрыва. И она плачет, и ты себе места не находишь.

– Да я не то чтобы... Просто непривычно как-то. Да и угла своего нет... Да и быт неустроен...

– Ага, домработницы лишился, – усмехнулась Ина. – А что ж к своей не побежал? Или не нужен ты ей для постоянного пользования?

– К какой своей?

– Лидка говорит, у тебя кто-то есть. – Она смотрела на Юру, презрительно сузив глаза.

– А хоть бы и так! – хмуро буркнул он. – Что ж мне, наблюдать спокойно, как она меня на всю страну позорит?! Баб вон много...

– Ага, – ядовито кивнула Ина, – то-то ты по ремонтам скачешь.

– Понимала бы чего! – захлебнулся возмущением Юра. – Да если хочешь знать... Баб этих недолюбленных... stai, а мужиков стоящих... раз-два и...

– Это ты про себя? – усмехнулась Ина.

– А хотя бы! Да мне только свистнуть... Да у меня этих... баб этих...

От волнения Юра не договаривал почти ни одной начатой фразы.

– Да я, если захочу... Просто... Ты что – думаешь, мне идти некуда? Просто тебе хотел заодно вопрос решить. Тебе ж о себе подумать надо, где нормального мужика возьмешь, умная такая! А тут все сошлось...

– Что сошлось! – взвилась Ина. – По-твоему, у меня перевалочный пункт для бездомных мужиков?..

В общем, до кафе в этот раз они так и не доехали.

На следующий день уже с утра позвонившая Инессе Лида выступила с новым предложением: а давай, говорит, я ему в Фейсбуке покаянное письмо напишу! Он прочтет и...

– И вообще к тебе не вернется! – торжественно закончила Ина. – Вот все-таки прав Юрец: дура ты, Лидка, и даже сейчас ничего не поняла.

– Чего я не поняла?! – взвилась Лидия.

– Да и не читает он вашу трескотню в Фейсбуке, – задумчиво молвила Инесса, игнорируя ее возмущение. – Зато друзья или подружки расскажут. Твоя, мол, там на своей страничке тебе жалостливую месагу накатала, читай кто хочет. Тут он и убедится, что ты безнадежна.

– Тогда что делать? – заныла Лида.

– Просто. Позвони. Ему. Повинись. Устно! А не в Фейсбуке своем гребаном!

– Да он недоступен! Он меня, наверное, в «черный список» засунул, – снова заплакала она. – Инусик, солнышко мое, ну объясни ему, что мне очень плохо, очень-очень нужно поговорить...

На новый звонок Ины Юра откликнулся так быстро и взволнованно, точно сидел и ждал его, не сводя глаз с дисплея.

– Твоя в отчаянии, – как всегда, без лишних слов начала Ина. – Говорит, ты ее в своем телефоне в «черный список» поместил.

– Да психанул немножко, – смущенно признал Юра. – Пусть звонит, когда хочет, у нас же, в конце концов, дети.

– Ладно, – растерялась Ина. – Хорошо. Ну тогда... у меня все?

– Подожди, Ин. Ты прости за прошлый раз. Что-то нервы сдают.

– Да и ты меня прости. Я ж сама тебя завела, – улыбнулась она.

– А может... встретимся? – осторожно спросил Юра.

– Зачем?

– Просто так. Как старые друзья. Посидим, поговорим. Мозги мне на место поставишь, как ты умеешь.

Удивленная Ина мысленно отметила за Юрой третий плюсики. И был он третьим всего за несколько последних дней, так что уже существенно менял статистику всех десятилетий их знакомства.

Сидели в кафе целый час, общались в самом деле как старые друзья, много и с удовольствием. Собственно, так сложилось, что за все годы, что они знали друг друга, по-настоящему друзьями Ина и Юра так и не стали. В гости друг к другу ходили, так сказать, по-семейному, – а дружить не дружили. Не было разговоров по душам, взаимной помощи, общего языка, общего юмора... В школе она его очень мало ценила, окончательное мнение о нем составила еще классе в третьем. И теперь вдруг Юрка оказывался далеко не тем примитивным мужичком с манерами простолудина, любителем пива и футбола, как она привыкла считать. Теперь в этом видном мужчине, так близко наклонявшемся к ней через маленький столик, она неожиданно рассмотрела человека неглупого и искреннего.

Юра рассказывал о детях – сильно тревожили подросшие сыновья.

– Что-то там с бизнесом мутить пытается, – озабоченно бубнил про старшего, – институт стал пропускать, понимаешь? Уже хвосты пошли, того гляди отчислят...

– Не дай бог, – кивала Ина, тоже доверительно к нему склоняясь. – Глаз да глаз нужен.

– А младший вообще оболтус, – ободренный ее вниманием, жаловался Юра. – Компании, гулянки, девчонки, через два года поступать – этому всё по барабану!

– Вот и представь, как там Лидка одна с ними будет справляться, – назидательно встала Ина.

– И не говори. А тут еще обстановка. Сосед прям под нами живет – так он наркоман. Прям реальный наркоша. И ты только представь, еще и общительный, собака: смотрю – пацаны мои с ним здороваются чуть не за руку. Я в шоке был! Это ж какой пример детям!..

– Ну! – кивала Ина. – Ужас!

– То-то и оно! Да я вообще не понимаю! – вдруг переключился с отцовских забот Юра. – Не понимаю я этих наркоманов! Нет, если ты мужик – так и будь мужиком, да? Тяжело жить, это понятно, – так оно всем тяжело. А ты возьми бутылочку, посиди с другом, да?

– Ну, допустим, – согласилась Ина.

– Ты водки с другом выпей, – энергично зывал к далекому соседу ободренный Юра. – А не ширяйся, как педик, ну так или нет?

Прямолинейная Ина откинулась на стуле, резко увеличив дистанцию, и выпятила губу, скептически разглядывая собеседника.

– Что, не прав я? – смутился Юра.

– При чем тут педик-то? – нахмурилась Ина.

– А что?

– Да тупо это! – припечатала она. – Не нравится тебе сосед-наркоман – и фиг с ним. Педик-то при чем?

– Ну ладно, – благодушно снес наезд Юра, – не цепляйся к словам.

И Ина, только что мысленно отметившая Лидкиного мужа жирным минусом, не колеблясь, поставила ему новый плюсики.

– А зачем ты Лидке про свою бабу рассказал? – спросила для прояснения обстановки.

– Да понимаешь, зло такое взяло за эту записку, которую она в сеть выложила... Вот же тебе, думаю, получи, фашист, гранату!

– Так нет ее, бабы-то?

– Ну как нет? – смущенно отвечивал Юра. – Есть-то есть, да ерунда это все. Так, случайность. В общем, все равно что и нет ничего. Да я, если честно, Лидке-то почти не изменял, так, по мелочи, по пьяни. Без души, в общем, и раза четыре всего за целую жизнь.

– Ну молодец, – иронично одобрила Ина. – Четыре раза! Действительно все равно что ничего.

– А то, что ли, не молодец! – улыбнулся Юра. – Если уж я не молодец – тогда и свинья не красавица.

– Ну, в общем, волнуется, Юрка, – без энтузиазма докладывала Инесса Лидии. – Переживает и за тебя, и за детей.

– Ага, переживает он! – зло выдавила Лида, как раз перед Инессиным звонком накрутившая себя мыслями о неверном муже. – А переживает – значит, так ему и надо, кобелю блудливому.

– Лид, ну что ты мелешь! Какой кобель! Он вообще у друга живет.

– Не знаю я, где он там живет, да и знать не хочу.

– Ну и молодец, – сказала Ина и отключила связь.

Через полчаса подруга перезвонила.

– Инусь, – заблелая, – ты на меня не обиделась? Что-то так разозлилась я на Юрку. Все-таки, знаешь, обидно, почему он так со мной?

– Да и сам он, наверное, все спрашивает себя: почему она так со мной, почему позорит меня на каждом углу, чем я заслужил? – совершенно несентиментально реагировала Ина.

– Да ну хватит уже об этом, – буркнула Лида. – Я ж больше ничего...

– Ага, а кто в Фейсбуке и в Одноклассниках жаловался, что Юрка ушел? Кто опять там семейным бельем трясет – я, что ли?

– Ну да! – взвилась Лидка. – Значит, он делай что хочешь, а мне слова сказать нельзя, да?

– Все, у меня времени нет на пустые разговоры, – отрезала Ина и снова прервала связь. Только на этот раз еще поместила номер подруги в черный список. «Пусть помается и подумает на досуге, а то никак до нее не доходит», – решила, уверенно нажимая «ОК».

Только на другой день Ина сняла с телефона Лидии черную метку. И почти сразу же получила звонок от нее.

– Если тебя еще интересует моя жизнь, – оскорбленно начала Лида, – то я у Юрки снова в черном списке.

– Так. С чего это? – не поняла Ина.

– Я вчера ему позвонила, потому что с ребятами у меня тут разные проблемы возникли. Знаешь, как трудно одной?.. Ну так вот. Я позвонила, и мы слово за слово, и как-то так с ним поругались, что он меня опять заигнорил. – Последние слова Лида произносила уже раскисшим от слез голосом.

– Так. А из-за чего поругались?

– Да буквально на пустом месте. Нет, ну я, вообще, конечно, сказала все, что о нем думаю... Но это же все правда, Ин! Почему я должна молчать? А он расвирепел и...

– Понятно. Значит, так. Или ты хочешь с ним мириться...

– Хочу, хочу... – заверещала Лида.

– ...Или хочешь высказывать все, что о нем думаешь, – жестким тоном закончила Инесса. – Ты поняла меня? Одно из двух. То и другое сразу – не получится. Ты поняла?

– Поняла.

– Короче. Я поговорю с ним, напомню, что он отец...

– Напомни, напомни! Это же надо же совесть иметь...

– Но ты должна определиться, чего хочешь точно: или чтобы он вернулся – и тогда уж придется простить и больше не поминать ему вашей ссоры; или ты не прощаешь и вы живете врозь, но вместе растите детей. И уже договариваться будем об этом, и детали все обговаривать, но семья развалится. Так. Чего ты хочешь?

– Я, конечно, хочу, чтоб вернулся, – раздумчиво отвечала Лида. – Но только как же я могу его простить, Иночка? Что же, он вот так ушел – а я даже слова не могу сказать, правды не могу сказать ему, да?

– Ты не только не должна его обвинять, но и сама должна пообещать Юре, что больше в Фейсбуке эксгибиционизмом заниматься не будешь.

– Ну ты скажешь! – возмутилась Лида. – И вообще... Я еще подумаю.

– Подумай. Только голову мне не морочь. Мне тоже надоело между вами мотаться. У меня, между прочим, и без вас проблем хватает.

– Ладно. Пусть возвращается, – буркнула Лида.

– Разогналась! – проворчала Ина. – Может, он еще и не захочет возвращаться...

Лида осталась волноваться и ждать, а Ина принялась звонить ее мужу.

«Да что ж за дела-то! – кипела возмущением, стремительно двигаясь к месту встречи. – И как они меня втянули-то ловко в свои крестики-нолики! Ношусь точно бобик, нервни-

чаю... Зачем мне это надо?» Добежав до кафе, она успела подумать, что совсем ей это и не надо. А в предбаннике быстро подкрасила губы.

Юра уже ждал. Разулыбался, встал, выдвигая стул для нее. Она тоже улыбнулась, хлопнула ресницами.

– Отлично выглядишь, – пробормотал он дружелюбно. – Садись, что тебе заказать?

– Шоколадного тортика, что ли, съесть, – размышляла вслух Ина. – И кофе со сливками.

– С твоей фигурой можно и тортика, – опять польстил Юра.

Он метнулся к стойке. Ина осмотрелась. Почти за всеми столиками сидели парочки, парни с девушками. Иногда болтали две-три подружки. Но в основном влюбленные мальчики и девочки. Нежные сценки. Голова к голове. Рука в руке. Глаза в глаза... Ина подумала, что в последнее время стала постоянно замечать такие сюжеты. «Может, старость подкатывает? – забеспокоилась она. – Последнее извержение гормонов – и финал! А может...»

Ей не хотелось додумывать всплывшую бредовую мысль, и очень кстати вернулся Юра с куском торта, мороженым и кофе.

– Не соскучилась? – спросил, плюхаясь напротив и заботливо составляя все с подноса на столик перед Иной.

– А это что? – ткнула Ина в мороженое.

– Ешь-ешь, – подбодрил Юра. – Лишнего веса у тебя нет, а сладкое повышает настроение.

Ей приятно была его забота. Давно уже не доводилось чувствовать себя опекаемой мужчиной. Ина осторожно вскинула глаза, ей казалось, Юра в упор смотрит на нее. Но он смотрел на растаманского вида парочку, расположившуюся по соседству.

– Глянь на фриков слева, – прошипел заговорщически, склонившись к ней поближе. – Вот уроды!

Ину покорило. «Очень хорошо, – подумала она, – а то совсем мне голову задурил. Еще немного – и начну ему на шею вешаться. Самое время брать себя в руки... А то вдруг показалось... Ерунда какая-то. А это всего лишь Юра – недалекий и заурядный Лидкин муж, с которым всегда было никак». Она тряхнула головой, сама с собой соглашаясь и приводя мысли в порядок.

– Я, как обычно, по Лидкиной просьбе, – начала деловито.

– Ешь мороженое, растает, – перебил Юра с мягкой улыбкой. – Пей кофе, остынет.

– Сам пей и ешь, – огрызнулась Ина. – Ты мне это все принес, чтобы теперь погонять, как мула, да? Тогда спасибо, не надо.

– Ну ты взрывная, – миролюбиво усмехнулся Юра. – Просто хочется, чтобы ты удовольствие получила.

Ина недоверчиво глянула и сказала чуть мягче:

– Юр, когда это все кончится? Я уж задолбалась от одного к другому бегать. Давай, что ли, возвращайся к Лидке.

– Возвращайся... – задумчиво откликнулся Юра. – В том-то и дело, что я пока не решил, нужно ли мне к ней возвращаться.

– А жить где собираешься, когда у друга ремонт закончится?

– Квартиру сниму. А то поселюсь у кого-нибудь, – подмигнул он Ине. – Ты-то как, не надумала еще про нас с тобой?

– Не надумала, – отвечала она устало. – Ты ж сам от меня в десятом классе к Лидке перебежал! Что ж теперь...

– Это когда было! Не знал, что ты такая ревнивица, – улыбнулся он. – В десятом ты меня от себя гоняла, а Лидуся слушала, сочувствовала. Я ее тогда совсем по-другому разглядел.

– Да я так, – отмахнулась Ина. – Просто ты мне совсем не нравился. Я только рада была за вас.

– А сейчас?

– Юр, ну что тебе все какие-то глупости в голову лезут? Соберись. Лидка готова на уступки. Вам бы встретиться и по-хорошему поговорить, а то какой-то испорченный телефон получается.

– Да не выходит у нас по-хорошему, вечно поцапаемся. Последнее время она вообще невыносима.

– Кризис. Пройдет.

– Не факт. Я серьезно думаю, что мне самому что-то в жизни менять нужно кардинально. – Он помолчал и вдруг нежно коснулся Инкиной руки, смотрел проникновенно. – А ты как раз подходящий человек, Ин, понимаешь? Вот как я в десятом нашел, как мне тогда показалось, родственную душу в Лидке, так я теперь понимаю, что все-таки родная-то душа мне ты. Недаром я по тебе все школьные годы сох.

Ину охватила паника. Мысли совсем запутались. Юрка тревожил ее. Его внезапное настойчивое внимание сбивало с привычного курса и бередило надежды на какие-то серьезные отношения, которые вот уже двадцать с лишним лет никак не сбывались.

– Так, – сказала она, пытаясь сосредоточиться. – Так... Что ты мне голову морочишь...

Но в этом вопросе было уже все меньше противодействия, все больше инерции.

– Да нет, я ж понимаю, что тебе не пара, – вдруг заюлил Юрка. – Ну ладно, давай пока кофе выпьем, а там все как-нибудь устроится.

«Все как-то устроится... как-то устроится... – бормотала Ина, поднимаясь в лифте на свой этаж. – А может, и правда... Ну не живет с им с Лидкой! Ну не живет! Так хоть... Тьфу! Ну вот же голову задурил... путаник...» Она твердо решила глупые Юркины провокации игнорировать, рассматривая их, так сказать, в качестве обыкновенного безответственного треп. Но внутри уже поселилась червоточинка, мешавшая ей смотреть на Юрку привычными равнодушными глазами, а Лидке оставаться верной подругой.

– Ты чего не звонишь? – Лидин голос звучал печально. – Говорила с Юрой?

– Поговорили, да... Не очень-то он настроен возвращаться, вроде общего языка не находите.

– И что теперь?

– Слушай, а почему бы тебе самой с ним не встретиться, пообщаться без посредников? Я уже вообще ничего не понимаю! Увольте вы меня от ваших разборок.

Да, так будет лучше всего, твердо решила Ина. Совсем выйти из их игры. А если Юрка уже независимо от их с Лидкой дел сам проявит инициативу... то... тогда... Она не знала, что тогда, но уверена была, что тогда-то и нужно будет об этом думать.

Соскочить, однако, сразу не удалось. Лидка все-таки упростила снова вмешаться. Обещала, что про Фейсбук вообще забудет... Готовясь к новой встрече, Ина нарядилась и накрасилась особенно тщательно. «Это просто для внутренней уверенности, – наврала себе. – Юрка ни при чем».

Юра начал с комплиментов. И в голове совершенно отчетливо заворчалось: а может, правда, может, наплевать на все... И на дружбу, и на то, что Юрка не совсем вроде тот человек... Ну а тот, не тот – теперь это не так и важно. Тем более что я его, получается, не так уж хорошо и знала... Не понимала Юрку, недооценивала... А просто на все наплевать и сойтись с ним. Потому что одной надоело. Так надоело – что хоть волком вой! У подружки двадцать лет счастья за спиной. Двадцать лет о ней мужик заботился, она и горя не знала. А тут – ничего. Ни разу не выпало не только брака, но и просто настоящего серьезного романа... Хотя именно об этом, о мужчине рядом, Инесса с самой юности больше всего мечтала. А может, это шанс переломить наконец судьбу и зажить с опорой на крепкое плечо. Как же ее достало одиночество!

Юрка был в ударе, кокетничал напропалую. Ину даже покорило его легкомыслие, хотелось для начала чего-то более романтического. Более глубокого и потому, может, на внешнем плане робкого... На этот раз он не спрашивал, подумала ли она о его предложении. Словно и предложения никакого не было. А может, ничего и не было? Просто показалось?.. Просто свободные, игриво настроенные мужчина и женщина тянутся друг к другу и подают один другому осторожные сигналы. И это не сигналы о серьезных намерениях, скорее похоже на приглашение к флирту. Отчего же и не пофлиртовать, Ина ничуть не против. Только в ее случае все флирты кончались или ничем, или коротким романчиком на несколько вечеров. Между тем Юркино обхождение и его достаточно ясное предложение жить вместе – причем не один раз высказанное! – давали основание надеяться на нечто большее.

После кафе ехали к Инессину дому, он все хохмил, а она поглядывала ожидающе. Если бы сегодня он опять заговорил об этой возможности – поселиться вместе... Она бы не сплеховала! Она бы спросила: ты это серьезно? И он бы ответил: более чем. Она бы сказала: довольно неожиданно. Он бы возразил: я тебе давно говорил, что ты мне нравишься; я хочу, чтобы мы были вместе, потому что ты именно та женщина, которая мне нужна. И уж тогда бы она опять спросила: и что ты предлагаешь? А он бы...

На самом деле он шутил или замолкал. А потом сказал:

– Спасибо тебе, Ин, я теперь вижу, что женская дружба действительно есть. Раньше думал иначе.

– Из чего заключил? – вяло уточнила Инесса.

– Благодаря тебе много думал, ты меня как-то в мою правильную колею вернула, – ответил он уклончиво.

– И что теперь? – выдохнув, спросила она.

– Права ты, Ин, у нас дети, самим вон уже по сорок пять почти – нам ли мечтать о новой жизни? Да и Лидка – в общем-то, женщина для меня. Мне ведь на самом деле с умной женой не ужиться. Я сам-то парень простой, но бабы над собой не потерплю. Так что спасибо тебе.

На другой день он позвонил и снова поблагодарил ее. Сказал, что возвращается к Лидке, что она обещала про него в соцсетях ничего не писать, ну а некоторые ее тупаки он, уж ладно, готов и потерпеть. «Если бы не ты, – сказал, – не знаю, до чего бы мы с ней дошли. В общем, спасибо, считай, я должник твой».

– Угу, – улыбнулась Инесса, хотя улыбаться не хотелось.

И опять она осталась в одиночестве. И надежда, вдруг вспыхнувшая так неожиданно, совершенно рассеялась. На душе стояла самая пасмурная погода, и неприятно было думать о подруге, которой еще недавно сочувствовала, для которой вроде бы от души хлопотала. Несмотря на Юрину благодарность, Ина чувствовала себя какой-то глупой идеалисткой, в очередной раз обманутой в ожиданиях. «Что я за человек, – думала с горечью, – кому плохо – жалею, кому хорошо – завидую. Все-таки друзья познаются не в беде, а в счастье...»

Ничто не помогало избавиться от черных мыслей, она почему-то чувствовала себя брошенной, словно ее, а не Лиду покинул Юрка. «Да не влюблена же я в него! – Ина чуть запнулась об эту мысль, но, промедлив секунду, ответила себе достаточно уверенно: – Уж конечно, нет! Тогда что? Что меня гложет?» Она быстро обнаружила ответ и на этот вопрос в душе своей: дело не в любви! А в одиночестве. «Я так и не научилась относиться к одиночеству как к варианту нормы», – меланхолично размышляла Ина, слоняясь по своему пустому дому. Юрка, дурак, предлагал встретиться, посидеть по дружбе...

– Не надо! – выпалила она резче, чем хотела, и тут же добавила, смягчая: – Я погулять хочу. Одна, понимаешь? Совершенно одна хочу погулять.

«Ха-ха! В том-то и дело, что больше всего я не хочу оставаться одна! – думала Ина, стискивая зубы, чтобы не плакать. – Ненавижу свое одиночество! И совершенно не умею

видеть в нем свободу. А психолог говорил, что нужно видеть. Но для меня оно никакая не свобода, а только лишение. Целый ворох лишений!»

Да, Инесса воспринимала это именно так: будучи не хуже других, она была лишена многих важных вещей – заботы, поддержки, любви, домашнего теплого общения, стабильного секса, детей... «Когда я смотрю в зеркало, – размышляла Ина, – я, конечно, не вижу там красавицу. Но когда смотрю на Лидку, например, тоже не вижу. И вокруг толпы замужних женщин, вовсе не блещущих красотой... По-видимому, дело не в ней. Но в чем? Глупой меня не назовешь. Может, слишком умная? Чего мне не хватает? Может, глупости? Может, простоты? Может, запах у меня какой-то не такой? Может, тембр голоса раздражает?... А впрочем, какая уж есть».

Ина готовила ужин и пыталась сама себе внушать поддерживающие, бодрые мысли. «Хочу оставаться собой, – твердила она. – Пусть и одна. Одиночество – не тюрьма желаний, одиночество – свобода! Свобода, да... От чего? Ну... От всего, что расстраивает... в общении с другим человеком. Вот от чего. А такого полным-полно! Например, свобода от критики, от насмешки... от всякого упрека...»

В голове теснились разные семейные неудобства и неприятности. Одиночество освобождает от тесноты в постели, невозможности уединиться, когда хочется, от необходимости считаться с другим, постоянно готовить еду, собирать по дому ношенные носки... Да что там! Свобода от крика, ругани, скандала, развода... Она перечисляла и перечисляла минусы не очень удачных долгосрочных союзов и потихоньку успокаивалась. Собственное положение уже не казалось таким безнадежным.

Спустя два года Юра снова ушел от Лиды, потянувшись за новой сотрудницей своей компании, сумевшей лихо взбодрить его остывающую мужественность. Но менее чем через год он запросился назад. Несмотря на настойчивый совет Инессы не принимать искателя приключений обратно, Лидия с беглым мужем примирилась, и раскаявшийся Юра воротился в семью, на чем свет кляня свою глупую доверчивость и безумный приступ мужского стремления к иллюзорной вечной молодости. Лида, успевшая в отсутствие мужа пережить глубокое отчаяние, в простоте душевной сумела искренне простить беглеца, и после встряски семья зажила лучше прежнего, накрепко сцементированная взаимным великодушием и новым снисходительным взглядом супругов на слабости друг друга.

А Инесса снова обратилась к психологу и после нескольких месяцев еженедельных встреч со специалистом осознала наконец, что обретение семьи – вовсе не ее путь. Смирившись со своим фатальным безбрачием, она полностью посвятила себя карьере... И через год вышла замуж за такого же, как и сама, карьерно ориентированного сослуживца. Союз их тоже вполне сложился и процветает до сих пор.

Остановиться. Оглянуться...

Из Любиной заначки пропали деньги. Люба много раз, не веря глазам своим, кидалась к заветному месту под стопкой старых сумок в большом одежном шкафу, вытаскивала и перетряхивала каждую кошелку, шарила на полке. Потом перерыла все белье во всех отделениях, перебрала одежду. Деньги не нашлись.

Тратить их сейчас Люба не собиралась, хотела только посчитать. Открытие ее поразило. Не в силах поверить в несчастье, она снова принималась за поиски, но наконец признала очевидность пропажи. И трагедия необъяснимого встала перед ней с той же неумолимостью, как и сама потеря. Кто это сделал? Как? Если б знать – было б, наверное, легче...

Бросилась к вернувшемуся с работы сыну.

– Сережка, у меня деньги пропали! – выкрикнула, забыв даже поздороваться.

Сын расшнуровывал ботинки.

– Какие деньги? – спросил, отдуваясь, так как, несмотря на молодость, у парня наметился уже пивной живот и наклоны вперед причиняли некоторое неудобство.

– Ну все деньги! Все, что я скопила.

– Много? – Сережа наконец сосредоточился на том, что она говорила. – Где они были?

– Много! Сто с лишним тысяч... – помедлив с ответом, призналась Люба. – Все, что удалось отложить после ремонта. Для меня много.

– А были где?

– В шкафу.

– В каком?

– В моем.

– Ты хорошо искала?

– Да все, кажется, перерыла. – Люба смотрела с надеждой. Сережка мог что-то придумать... деньги должны были найтись.

– Ну пойдем посмотрим.

Мать указала сыну место, опустошенное неизвестным злоумышленником. Сергей сначала осматривал нутро шкафа, а потом принялся одну за другой вытаскивать и трясти уже и так перерытые Любой сумки.

– Да смотрела я здесь, – пискнула мать.

– Так, может, ты в другое место переложила и забыла?

– Не перекладывала ничего! Зачем мне перекладывать?

Сергей опять стал копаться в шкафу. Люба подключилась, и вместе они снова перетрясли и перевернули его содержимое. Денег не было.

– Слушай, ты лучше вспомни, где они еще могут быть, – посоветовал сын. – А я пойду поем. Что там у нас на ужин?

Мать увязалась с ним на кухню, а в голове крутилось все то же – исчезнувшие деньги. В последнее время копить становилось все труднее, а оставаться без запаса – страшно. Необъяснимость потери сводила Любу с ума. Пропажа эта означала еще и то, что все усилия подстраховаться благоразумным откладыванием средств бессмысленны, так как в любой момент накопленное неведомым образом может исчезнуть.

Сын сел ужинать. Мать устроилась рядом, напряженно думая, не могла ли она в самом деле переменить тайничок и забыть об этом. Но в это совершенно не верилось. Если переменяла – то почему не запомнила? Да и зачем вообще было трогать? Для чего?..

Пока сидела, разнервничалась еще больше. Сын меланхолично жевал и включил телевизор. Люба стала торопить – ешь быстрее! ешь быстрее!

– Мать, да что ж такое! – рявкнул издерганный ею Сережа. – Дай мне нормально поужинать, в конце концов!

– Да не могу я сидеть, – со слезами в голосе выкрикнула Люба. – Деньги проклятые из головы не идут!

– Так не сиди! Иди ищи, меня только оставь в покое.

«А-а-а...» – вдохнула Люба, в ужасе прикрывая рот рукой. – А ведь это он... Сережка украл...» – И, поднявшись с табуретки, на ватных ногах повлеклась назад в свою комнату.

Теперь она хоть и продолжала искать, но словно по обязанности. Наконец села на кушетку, уставясь в пол. «Это же... как же... У матери родной! Родной сын... А что ему мать, он еще в детстве из холодильника по ночам тянул все, что понравится. Икру найдет – сожрет до последней икринки. Конфеты любил – так сразу всю коробку, один. Тайно. И коробку там же оставит. Пустую... Или огурцы. Сlopает и рассолом запьет. В холодильник утром заглянешь – а в банке пусто... С малолетства такой был – все к себе тянул».

Она захлопнула шкаф и, убитая открытием, побрела в кухню.

– Сереж, – позвала, глядя исподлобья, – я смотрю, ботинки вроде новые в прихожей... Откуда?

– С Танькой покупали, – самодовольно похвалился сын. – Танька в этих делах понимает.

– А деньги?

– Какие деньги?

– Где взял? Говорил, зарплату не дают. На что купили-то?

– Так это, дали уже! И премию сразу. Прямо перед самым моим увольнением. Мы и Таньке туфли купили. На свадьбу. Ничё такие, в тему. – Сережа был доволен покупками и рад похвастаться.

– Ага, ага, – покивала Люба, не спуская глаз с сына в усилиях прозреть новые доказательства воровства.

Вернувшись в комнату, попыталась немножко собраться с мыслями. Открытие было ужасным. Но сейчас она шла по следу похитителя и думала больше о том, как половчее изобличить засранца Сережку. Это ж надо – у матери тырить! А ведь он с детства такой... Мысли снова привели к тайно съеденным в малолетстве продуктам и уже забежали по кругу. Икра... конфеты... огурцы... И главное, все до крошки подьест, эгоист чертов.

Люба вдруг почувствовала усталость. А что, если все-таки не он?.. Да кто ж тогда?! – тут же осадила она себя. Больше вообще некому. Она стала припоминать, кто здесь бывал в последнее время, кто мог в ее комнате пошарить. Ну соседка забегала, припекают они. Но дальше кухни и прихожей не входила. Значит, не она. Сестра часто бывает. Но в этой жизни если есть родной Любе человек – так это Вера. Она точно не могла! Клиентки на примерку приходят – но Люба никогда никого в комнате не оставляла, да и не нужны ее обеспеченным клиенткам такие крохи...

Она совсем изнемогла от переживаний и снова выбежала на кухню. Сергей к тому времени уже поужинал, помыл посуду и ушел в свою комнату. «Может, все же не он?» – всколыхнулось в ней, когда она оценила наведенную парнем чистоту. Вспомнила, что сама не ужинала. Потопталась возле холодильника и, махнув рукой, потащилась обратно к себе. Включила телевизор и ненадолго отвлеклась от беды. А потом заснула.

Проснулась Люба раньше обычного, разбудила тревога, связанная с потерей. А потом уж она вспомнила и о еще более горьком – Сережкином предательстве. Украл у матери... как жить! Для чего? На кого рассчитывать... Есть, конечно, Вера, но у той своя семья. Как ни крути, без Сережки Люба оставалась совершенно одна. А доверять ему теперь невозможно... «Все ему скажу!» – с колотящимся сердцем решила она, вскакивая с постели.

Сергей еще спал. Дверь в его комнату оказалась запертой. Люба заметалась по дому, чувствуя деятельностное возбуждение, в коридоре взглянула с отвращением на новые ботинки. «На мои деньги жирует», – подумала горько. Через час поднялся Сергей и начал собираться на работу. Она решительно зашла в кухню, где он устроился завтракать, и без промедлений обрушилась на сонного сына.

– Ты деньги взял?

– Какие деньги? – вяло отозвался сын, не глядя на мать.

– Знаешь какие. Деньги из шкафа. И главное, еще искать помогал, шут гороховый! Как же так, Сережка, даже урки дома не крысятничают!

– А с чего ты решила, что это я? – занервничал Сергей.

– А кто же?

– Ну не знаю, – пробубнил он, криво улыбаясь, – кто-нибудь.

«Не оправдывается даже», – заметила про себя Люба, внимательно наблюдая за сыном.

– Да кто – кто-нибудь? – строго спросила.

– Мне-то откуда знать?! Может, соседка.

– Скажешь тоже! Я ее сто лет знаю.

– А со мной, значит, только вчера познакомилась, – съязвил Сережа.

– Тебя всякого видела. – Люба многозначительно покачала головой. – Потому и спрашиваю: ты взял?

– Соседке веришь, а сыну нет, – вяло отбивался он. – Нормально.

«Не оправдывается, – снова горько подумала Люба. – Точно украл».

– Да соседка и не заходила в комнату, мы с ней на кухне посидели.

– Ну не знаю. Клиентки твои. Сколько у тебя тут народу ходит!

– Да они все богатые, – отмахнулась Люба.

– Что ж, что богатые! – усмехнулся Сережка. – Денег много не бывает.

– Ну да, делать им нечего!

– А не они – так еще кто-нибудь.

– Кто?

– Мало ли кто приходил, пока я на работе! Кто-то был недавно... сантехник...

Люба вспомнила, что и правда приходил из дэза, на секунду ухватила за эту идею.

– Так сантехник сразу в ванную прошел, – проямлила растерянно. – Ну еще в коридоре мы с ним поговорили немножко. И все.

– Да? А может, ты пошла на плите посмотреть, мало ли, может, подгорало у тебя там. И ты на минуточку в кухню. А он шаст в комнату – и спер.

Люба опять на мгновение задумалась.

– Так чтобы деньги из заначки достать, место знать нужно! Откуда сантехнику знать? – воскликнула мать.

– А я-то! Я ведь тоже твоих мест не знаю! – озлобленно гаркнул сын. И, двинув табуреткой, вскочил из-за стола. – Большое спасибо за завтрак! – свирепо крикнул на бегу и закрылся в ванной комнате.

– Ты поискать мог в любое время, а сантехник пришел и ушел! – прокричала мать ему в спину.

«Точно он! – в отчаянии убеждалась бедная Люба. – Сережка украл! Все сходится. И не оправдывается, и покупки у него, и злой вон как пес. Понятно, что злой – виноват, вот и злится, а потому что неловко ему...» Она пошла к себе, даже позавтракать забыв. И машинально снова стала перерывать все в шкафу. Но сосредоточиться не получалось, тыкалась словно слепая, сама не веря, что деньги найдутся. Знала уже, что они у Сережки.

Сын тем временем собрался и, хлопнув дверью, ушел на работу.

«Вот и с той работы уволился, – размышляла Люба. – На новой еще наверняка зарплаты не было, а деньги завелись... Откуда деньги? Говорит, на старой выдали. С чего бы? Тянули, тянули, а тут вдруг взяли – да выдали... А дело-то в другом! Жениться Сережка надумал – вот бес его и попутал. Хоть бы сознался, а то ведь... ну как жить...» – тосковала она. Однако поплелась в ванную приводить себя в порядок. Совсем скоро должна была прийти постоянная клиентка. Ее платье Люба дошила еще вчера. Но требовалось подглядить швы, напоследок проверить, все ли в порядке, и развесить обнову заказчицы на плечиках, чтобы сразу показать товар лицом. «Упахиваюсь на этом шитье-перешитье, откладываю по крохам, а потом мои денежки... И кто! Родной сын...» Люба пустила слезу, пока чистила зубы. Но постаралась взять себя в руки, все-таки жизнь продолжалась и требовала от нее выполнения многих обязанностей.

Она страдала. Буквально места себе не находила. Каждый день отыскивались новые улики против Сережки. Ни о чем больше думать не получалось. Пыталась телевизор смотреть – и не могла сосредоточиться, не понимала, что там происходит, на экране, ерунда какая-то. Только привычная портняжная работа немножко отвлекала. Звонила сестре, жаловалась на сына, на то, что осталась совсем без средств. Больше никому не рассказывала, стыдно было. Получалось, вырастила вора. А разве она учила его воровать?

– Может, еще не он взял? – сомневалась Вера.

– Не знаю. Я всю голову изломала – ну некому больше, Вер. Все на Сережке сходится. Вот правда.

Она в который раз принималась перечислять несомненные признаки сыновней вины. Вера сочувствовала, поддакивала, но в конце концов советовала не пороть пока горячку, все-таки не пойман – не вор.

– Да, конечно, – соглашалась Люба. – Просто покоя теперь нет. Если бы он хоть сознался, я бы уж как-то пережила...

Вера улучила минутку, забежала к сестре. Вместе снова немного порылись в шкафу. Потом посидели, обсуждая ситуацию. Люба поплакала.

– Ты знаешь, – выдавила, смахивая слезу, – эти деньги мне достались... Ну ты знаешь, как они мне достаются. А жалко все-таки не их. – Она вытерла щеки тыльными сторонами ладоней и взглянула на сестру сурово. – Я жить теперь не знаю как, Вера. Вот что... Давай, что ли, поужинаем?

– Да побегу я, – отказалась сестра. – Мои там без меня сидеть будут с раскрытыми ртами, как галчата, а сами для себя палец о палец не ударят, все им подай.

– Побудь со мной, – опять попросила Люба. – Тоска такая.

– Ну давай чаю выпьем, – сдалась Вера.

– Давай наливки.

– Давай. Сейчас своим позвоню, чтоб разогревали ужин. А не хотят – их дело, я не нянька при них, – неожиданно рассудила сестра.

Они с час посидели, мусоля одно и то же. Вера твердила, что все ж таки Люба Сережку за руку не ловила, а значит, какие-нибудь хоть полпроцента, да обязательно остаются на то, что это ошибка и не он взял деньги.

– Но кто, кто? – мучилась Люба.

Вопрос по-прежнему не получал ни малейшего проблеска ответа. А в голове крутились десятки подтверждений виновности Сергея.

Мать с ужасом понимала, что ненавидит сына. Когда он приходил домой с Танькой, это невозможное чувство становилось сильнее. Из своей комнаты она слышала смех, и ей казалось, что смеются над ней, над ее простоватостью, из-за которой она даже деньги нормально спрятать не смогла. «Да, может, Танька вообще ничего не знает, так он ей и сказал, в самом деле!» – пыталась она себя образумить. Но разъедающая ненависть все равно усиливалась,

когда они были вместе. Любе начинало мерещиться, что сын и будущая невестка, наверное, мечтают выжить ее из квартиры, а может, выдавить из самой даже жизни, потому что она никому не нужна и из дома ей идти некуда.

Жизнь потихоньку превращалась в кошмар. Она жила рядом с подлым вором и одновременно лишилась близкого человека. Как это часто бывает, все подозрения подтверждались множеством мелких доказательств, которые сами по себе хоть и были косвенными, но вместе складывались в неопровержимую картину, изобличающую печальную истину. Все признаки Сережкиного преступления были налицо. И Любе при таком раскладе оставалось глухое одиночество, если не считать сестры, которая ее жалела и поддерживала. Но у сестры, как бы ни были они близки, все-таки была своя жизнь, она пестовала собственную семью, и Люба все равно оставалась одна. Даже хуже, чем одна: рядом гнезился враг! А мучительнее всего казалась неопределенность ее положения. Эта вот неокончателность.

Нет, в виновности Сергея она не сомневалась. Но если бы сын чистосердечно сознался – было бы легче, она как-то смогла бы, наверное, даже простить. Он, однако, вел себя нахально, жил себе беззаботной полной жизнью, а про обворованную мать и не думал, в то время как она ни спать ни есть не могла от разросшегося в ней чувства беды и ненависти.

Как-то попробовала снова заговорить с ним, когда они были дома одни.

– Как же так, Сереж, – начала и сразу запнулась.

– Ты о чем? – хмуро реагировал наглый парень.

– Я о деньгах, которые ты у меня... взял... А как же мы жить-то будем?

Он взглянул затравленно. И Люба решила наддать.

– Взял – так хоть повинись! – рубанула жестко. – Я же все равно знаю, что ты вор!

– Етить твою... Опять за свое! – сын вдруг сорвался в крик. – Не брал я денег! Сколько тебе повторять? Не брал!

– Но кроме тебя некому! – слезливо возразила Люба.

– А ты не подумала, что я скоро женюсь? – чуть спокойнее сказал Сережа. – Не подумала, что для меня эти отношения очень важны? Могу я, по-твоему... так... рисковать? – Он замолчал, сидел, тербил вилку на столе. Смотрел затравленно, вызывая злость и одновременно жалость Любы.

Она села рядом и постаралась успокоиться.

– Но ведь деньги пропали, – сказала.

– Да сама же их куда-нибудь и перепрятала! – недружелюбно буркнул Сергей.

– Не трогала я, зачем мне?

– Мне твои крохи тоже не нужны! Отец со свадьбой поможет, обещал!

Люба вздохнула, снова почувствовав себя ненужной и одинокой. Сережа ушел к себе. Все было хуже некуда. «А может, ну их, эти деньги? – горько подумала она. – Забыть все – и дело с концом. Так тоже нельзя, сын все ж таки важнее денег...»

Она ушла в свою спальню, включила телевизор и села шить. Руки автоматически выполняли привычную работу, мысли проплывали в голове, не задерживаясь. «Ну а как же тогда правда?... – думала она. – Где же справедливость?... А может, и правды выше сын-то... и справедливости... Только как же дальше?... Ну, как-нибудь... Что ж, получается, он ко мне так – а я к нему как к сыну... А и пусть! Важнее справедливости... сын-то...» Руки привычно шили, заказы на шитье были единственным Любиным заработком, и она любила свою работу и справлялась с ней отлично.

«Ну не так уж все и плохо, – вдруг подумалось отчетливо. – Мастер-то я хороший. И потом, Сережка ведь всегда такой был... с закидонами... но все равно ж я его любила! И сейчас могу любить. Я просто обязана любить, я же мать. Какой он ни будь – всё мне сын. Да... В доме должна быть любовь», – вздохнула она, налегая ногой на педаль швейной машинки.

Несмотря на возникший новый настрой, принесший небольшое облегчение, мучения Любы продолжались. «Нет, ну как он так со мной!» – то и дело всплывало в ней – и она плакала от обиды. И все же продолжала теперь твердить себе и сестре, что, как бы то ни было, а Сережа – ее сын, и она сама же его таким и вырастила, хотя вроде бы хотела всегда только хорошего... И что все-таки надо стараться забыть и простить. И раздуть в себе крохи материнской любви, которые еще остались. Потому что нельзя строить отношения с родным сыном исходя из того, что ты в нем ненавидишь! Ну нельзя же... ну просто невозможно...

А беда обманутости и оставленности все-таки точила Любу, заставляя опять и опять осуждать Сережку – до ненависти, до желания ему каких-нибудь наказаний от высших сил.

У нее стали постоянно чесаться руки и ноги. На них проявились зудящие красные пятна. Люба испугалась, что клиентки, заметив, не захотят иметь с ней дела, и собиралась уже прорываться к дерматологу, надеясь на какую-нибудь чудодейственную мазь. Но знакомая врачиха, жившая с ней в одном подъезде, успокоила.

– Это не заразно, – сказала она. – Похоже на псориаз. Давно?

– С неделю. А может, две...

– Понервничала?

– Нервничаю, – Люба сглотнула и заморгала.

– Так не нервничай, – посоветовала доктор. – А в кожвендиспансер все же сходи, мало ли что...

«Проклятый Сережка», – подумала Люба, заплакав злыми слезами.

Однажды она сидела и шила, борясь с собой, пытаясь заставить себя не думать плохое о сыне. В этот раз злоба побеждала настрой на любовь. Зазвонил городской телефон, и она ответила, радуясь, что можно отвлечься от совсем ее замучивших жестоких мыслей.

– Здравствуйте, – услышала сквозь помехи строгий голос. – С кем я говорю?

– Шарова Любовь, – растерянно представилась Люба. На том конце послышались шипение и стуки.

– Мама! – вдруг разобрала она сквозь шум в трубке.

– Сережа? – неуверенно откликнулась мать.

– Ну конечно, – опять послышался не очень ясный голос. – Мама, это я, Сережа! Ты меня слышишь?

– Слышу! Но плохо! – крикнула она, думая, что и сын с трудом разбирает ее речь.

– Мама, я попал в трудное положение! Ты слышишь? – пробивался к ней едва различимый голос.

– Слышу, Сережа! Что случилось? – кричала Люба.

– Я в полиции... – После этого трубка наполнилась неясными звуками, которые она не знала как объяснить, но вдруг заподозрила, будто эти стуки, бульки и гул означают, что сына ее в полиции бьют.

– Сережа! Сережа! – позвала с отчаянием.

– Мама, мне нужна помощь! Срочно! – зачастил смазанный голос. – Ты можешь срочно передать деньги? Я попал в большую беду! Если ты не привезешь двести тысяч, меня посадят... – Ш-ш-ш – раздалось шипение, голос сына растворился в нем, но опять пробился сквозь посторонний шум. – Мам, с тобой сейчас будут говорить. Сделай все, как скажет человек.

– Сережа! Ты где? – крикнула Люба.

– Любовь Михайловна? – услышала она более отчетливо.

– Любовь Васильевна, – поправила машинально.

– Извините, оговорился. – Уже знакомый ей суровый голос сообщил: – С вами говорит дежурный патрульной службы... – Дальше сквозь гул она слов не различила, а потом

послышалось более разборчиво: – ...рший лейтенант Приходько. Сергей Шаров кем вам приходится?

– Это мой сын, – испуганно пролепетала мать. – Только он не Шаров, у него фамилия отца...

– Разумеется! – оборвал строгий абонент. – Это не существенно. А существенно то, что ваш сын задержан по подозрению в совершении преступления по статье... – шумы опять помешали ясности сообщения, – ...и находится в отделении полиции... – В телефоне снова зашипело, и подробности местонахождения сына остались Любе неизвестными. – ...серьезный срок, – неумолимо, хотя и обрывочно информировал полицейский. – Ваш сын уверяет, что ни в чем не виноват, но так, знаете ли, все говорят...

– А в чем его обвиняют? – вклинилась Люба.

– Это не по телефону, – строго возразил лейтенант. И помолчав, добавил: – Я слышу, вы женщина рассудительная. Вообще-то сын ваш тоже не производит впечатления преступника. Но потерпевшие настроены враждебно, к тому же составлен протокол... Это не так легко поправить, однако ради вас мы готовы попробовать. Но и вы должны, со своей стороны... – В трубке воцарилось молчание.

– Что? Как помочь Сереже?! – воскликнула Люба.

– Необходимо приехать по адресу... – Ненадолго шум в трубке почти прекратился, и лейтенант достаточно отчетливо продиктовал адрес. – В течение двух часов привезти двести тысяч российских рублей. Деньги нужны для достижения согласия с потерпевшими и полюбовного решения дела. Но, сами понимаете, все это не вполне законно и делается исключительно ради вашего блага. Поэтому не нужно привлекать других людей, просто привезите деньги, и мы тогда сможем отпустить вашего сына. В противном случае он будет отправлен в СИЗО.

– Но у меня сейчас столько нет! – взмолилась Люба.

– Это ваши проблемы! – отрезал полицейский. – Наши – договориться с потерпевшими и замять дело. Вы хотите помочь сыну? – рявкнул он.

– Конечно, – пискнула Люба сорвавшимся голосом. – Но я...

– Это единственная возможность! Решать нужно быстро! У вас есть родственники, друзья, соседи – займите у них, в конце концов! И срочно везите, пока дело не отправилось в производство. Иначе ничего изменить уже будет нельзя.

– Хорошо. Я что-нибудь придумаю, – залопотала Люба. – Я достану! Я привезу...

– Прекрасно, – оборвал ее полицейский. – Ждем вас через два часа с деньгами.

– А как я вас узнаю? – крикнула Люба.

– Не меня. Подъедет наш сотрудник. Светлая куртка, синяя спортивная сумка через плечо. Он сам вас узнает.

– А как? – еще больше оробела Люба.

– Не задавайте глупых вопросов! – строго осадил лейтенант. – И главное – приходите вовремя, точно на указанное место.

Голова у Любы пульсировала. Что делать? Столько денег! О соседях нечего и думать. Сестра сама еле концы с концами сводит... Генка! Сережкин отец... Но полицейский сказал, чтоб никому, а Генка может кипеш поднять! Люба знала взрывной характер бывшего мужа и побоялась, что тот устроит скандал и как-нибудь навредит Сереже.

Листала контакты в телефоне, пытаясь придумать, кому позвонить, чтобы наверняка... Машинально кликнула Сережкин номер. И вдруг услышала в трубке вполне внятный его голос:

– Ало!

«Не отобрали телефон!» – с испугом и радостью мелькнуло у матери.

– Сережа? – робко позвала она.

– Ну я, я, мам. Что хотела?

– А ты где? – опешила Люба.

– На работе, где ж еще! – возмутился сын. – Говори, чего хотела, а то я занят.

– Сере-ежа, – заплакала она, разом избавляясь от страха и напряжения. – Так ты не в полиции?

– Здравствуй! Мам, ты че – прикалываешься?

– Сережа, – опять проскулила мать, – а мне из полиции звонили, сказали спасать тебя... деньги привезти... Да! И ты ж еще сам со мной вроде и разговаривал, хотя...

– Мам, – усмехнулся Сергей, – ну это ж старая разводка! Небось еще плохо слышно было, да?

– Ну да! – изумилась его прозорливости мать. – Я даже не сразу поняла, что это ты, просто услышала: мама! Сначала вроде ты, потом лейтенант полиции...

– Мам! Ты что, не знаешь этого трюка? Все уже давным-давно знают!

– Как это? – никак не могла до конца опомниться мать.

– Да на деньги тебя разводили! – вразумлял Сережа. – В следующий раз скажи: сам крутись, подонок! – Он заржал, радуясь собственной шутке. – Забей, в общем, и с такими мудаками больше не разговаривай. Сразу посылай! Поняла?

– Поняла! – радостно воскликнула мать.

– Ну бывай, я тогда еще поработаю, – дружелюбно попрощался Сережа.

– Целую, сынок, – улыбочиво откликнулась мать.

На душе было так светло, словно не мошенники только что пытались ее обмануть, а в ближайшем магазине сразу на все нужные продукты внезапно оказались бешеные скидки...

Люба позвонила Вере.

– Вот видишь, – рассудила сестра. – Что бы ни было, а родной человек всегда важнее.

– Да-а... Страшно подумать, если бы это была правда! Ну что бы я делала? У кого занять-то?

– Ну ты даешь! – засмеялась Вера. – Что сейчас об этом гадать! Сережка, слава богу, в порядке. И тебе теперь легче будет его простить.

– Да, наверное, – вздохнула Люба. – Если бы он еще сознался... Уже и бог бы с ней, с этой проклятой заначкой. Ему, видать, очень нужно было...

Через неделю деньги нашлись.

Они мирно лежали в одной из совсем старых и негодных сумок, которые Люба не решалась все-таки выбросить и хранила отдельно, на самой нижней длинной и узкой полке шкафа, предназначенной для обуви. Туда она залезла без каких-либо надежд, просто по сформировавшейся в последнее время привычке к поискам. Вытащив, тряхнула сумку за дно, а потом, уже убирая на прежнее место, не глядя повозила внутри рукой, бегло просунув ее в зев слежавшейся кошелки. И неожиданно поймала шершавый и плоский полиэтиленовый пакет, залипший в складке смявшегося дна и покоробившейся стенки, а вытянув, сразу различила сквозь мутный полиэтилен сложенные стопкой купюры. Все деньги были на месте. И Люба даже довольно отчетливо припомнила, как действительно перепрыгивала отложенную сумму на эту нижнюю полку, в эту старую невзрачную сумку из кожзаменителя, вдруг показавшуюся более надежным местом.

Радость и ужас девятибалльной волной окатили и без того измученное сердце Любы. Ее материальный запас, необходимый и единственный «подкожный жир», таким трудом достававшиеся деньги, – оказались теперь возвращенными ей очередным зигзагом судьбы! К тому же становилось ясно, что Сережка ни в чем не провинился и никак ее не предавал! Это были мощные, уже не ожидаемые и потому еще более яркие радости. Но с другой стороны, получалось, что она все последние недели обвиняла и третировала, и ненавидела, и презирала родного сына совершенно напрасно! Он действительно ничего не крал у нее – она

же призывала зло на его голову, не в силах справиться со злом в собственном сердце. И это было чудовищно. Это заставляло Любу содрогаться от осознания ужасной своей вины.

«Ты вор!» В голове ее гулом раздавался тогдашний собственный голос, клеймивший сына, – и ей делалось страшно. Она с такой готовностью отреклась от Сережки, совсем не цеплялась за его объяснения, наоборот, старой ищейкой неслась по следу, выискивала улики, спешила с разоблачением... Думать об этом было невыносимо. «Но все ведь сходилось...» – мысленно оправдывалась Люба. Все словно само собой подгонялось под подозрение – и оно становилось уверенностью. «Что я сделала! – терзалась преступная мать. – Нужно было хоть раз притормозить, остановиться, оглянуться... А я... Меня будто несло! Но где, где нужно было остановиться?» Люба перебирала в голове своей эпизоды последних дней и видела, как уверенность в Сережиной виновности уносила ее дальше и дальше от истины. А ей-то казалось, что она так вот в эту горькую истину и смотрит...

– Сереж... – Он пришел с работы, и она, выдохнув, чтобы собраться с силами, сжавшись, вышла навстречу в прихожую. – А я тут... это... деньги нашла...

– Какие деньги? – хмуро реагировал сын.

– Ну те... которые потеряла. – Люба смущенно переминалась с ноги на ногу, испытывая страшную неловкость, но желая покончить со всем разом. – Сереж, прости, я на тебя думала.

Он притормозил, стягивая ботинок с ноги, исподлобья посмотрел на нее с недоверием.

– Заначку, что ли, нашла? Из-за которой из меня душу вынимала?

– Прости, Сереж, – взмолилась мать. – Не знаю, что на меня нашло, сама теперь себя виню...

– А то все меня винила, – перебил сын. – Где нашла-то?

– Дык... Я ж ее раньше под одеждой хранила, где всякое отделение и внизу еще две длинные полки... там у меня сумки лежали, так я под ними... Но это еще раньше. А еще внизу другая полка, и там тоже всякие сумки, старые... – путано принялась объяснять мать.

– Короче, нашли-то где?

– Ну я-то думала на верхней, а они на нижней оказались.

– А что ж ты там сразу не поискала?

– Да я вроде везде искала. Только, видать, невнимательно. Они оказались в белой. Она плоская, затвердела вся, слежалась, ну я, конечно, перетряхивала... – лопотала Люба, пытаясь оправдаться, – не понимаю, как пропустила... Просто не ожидала там найти, не помнила, когда переложила. А сегодня залезла опять и так, знаешь... в сумке-то в той пошарила... Ну и вот.

– Ага, – кивнул сын. – Зато теперь я знаю, как ты ко мне относишься. Чуть что – я у тебя и вор, и предатель, и черт знает кто.

– Сереж, – захныкала Люба, – ну прости-и... Бес попутал! А у меня – вот, – добавила жалобно, протягивая к нему руку, где на запястье краснело шершавое пятно. – Псориаз.

– Ух ты, – заинтересовался Сережка. – Заразное?

– Нет, – отмахнулась мать. – На нервной почве. Не дешево мне обошлась вся эта история! – Она многозначительно взглянула на Сережку, ожидая, что тот все прочувствует и будет вести себя с матерью соответственно.

– Ага, – кивнул сын. – То есть ты теперь еще хочешь на меня свой псориаз повесить.

– А может, не будь ты в детстве таким эгоистом, я б на тебя и не подумала! – сварливо крикнула мать. – Ты ж то одно, то другое ташил...

– Да когда это было! А может, не будь ты такой заполошной клушей, – перебив ее, рассерженно выдал сын, – я б таким и не был! У тебя любой пустяк – сразу ужас, ужас!

Люба вдруг осознала, что она опять обвиняет Сережу и они снова ссорятся. «Да, действительно ужас», – подумала она.

– Ладно, мать, – сказал Сережа, стягивая наконец ботинок с ноги. – Нашлись деньги – и слава богу. Хорош нервную почву устраивать, а то вся этой коркой покроешься. И я заодно с тобой.

От напоминания Люба ожесточенно зачесала руку, потом другую, потом прослезилась и поцеловала сына.

– Не сердись на меня, – сказала, обнимая его. – Просто ведь как получается? Если не ты виноват – то, значит, я. Ну ладно. Пусть. Виновата я. Признаю.

– Ну никакой связи, – пожал плечами Сергей. – Что, кто-то обязательно должен быть виноват?

– А как же?

– А вот как: никто не виноват! И все. И вообще – я на Таньке женюсь. – Он улыбнулся во весь рот, думая о хорошем. И Люба засуетилась с ужином, заскакала по кухне, решив, что Сережка просто молодой еще, еще не умеет о жизни судить толково. Ну ничего, вот заматерееет – тогда и разберется. «Ишь ты, никто не виноват, – про себя опять усмехнулась она. – Так не бывает!.. Глупый еще, обомнется...»

Любовь после катастрофы

Люди Пути – будь они буддисты или, допустим, ищущие христиане – скажут, что у меня не любовь, а обыкновенный эгоизм. Скажут, любовь – это другое: когда желаешь человеку добра и отпускаешь его. Иди своей дорогой! Иди – и будь счастлив, мне ничего от тебя не нужно... И еще люди Пути скажут, что разрыв – не катастрофа. Что расставанья нет. Потому что любовь остается в тебе – та самая, которая отпускает любимого.

Но мне такое понимание недоступно. Оно недоступно, когда сердце не переставая плачет от боли моей невостремленной теперь нежности. Ведь добра и счастья я желаю всем. А вот необходим мне только один. Вероятно, «любовь» – просто такое многозначное слово, под которым прячутся совсем разные смыслы. Для меня разрыв с любимым – самая несомненная катастрофа. А любовь – когда без него я живу – будто не живу. В ней нет божественного бескорыстия, и к спасению она, наверное, не ведет. Но это самая реальная человеческая вещь, она пронизывает, как излучение. И я не первая и не последняя, кто был так счастлив и потом так несчастлив благодаря ей.

Мой любимый больше не имеет ко мне отношения – и любовь стала мучительной. Люди Пути не понимают *мучительной* любви. Но я-то мучаюсь, как будто из меня кусок выдрали и рана кровоточит. Слава богу, хоть нет уже того острого желания не жить, как тогда, после разрыва. Я просто не знала, куда себя деть в этом так для меня катастрофически изменившемся мире. Набирала его номер и не ждала ответа – зачем, если во мне теперь не нуждаются! Не для того я звонила, нет. Припадала к телефонной трубке как к кислородной подушке – гудок... еще гудок... И больше не надо. Я и на голос его не претендовала, просто слушала гудки. Они означали, что с Леней у меня все еще существует материальная связь. Прерванный звук эхом продолжал тосковать в голове. «Любимый! – кричало сердце. – Это *из-за меня* так оглушительно заливается телефон в *твоем* доме – нас все еще соединяют провода!»

Даже стихи тогда придумались сами собой:

Два раза грустный зуммер прозвучит
Мне в ухо заключительным аккордом.
И брошенная трубка замолчит,
Моменту отвечая видом скорбным.

И разорвется слабое звено
Цепи, наитончайшей в целом мире,
Связующей нас только тем в одно,
Что МОЙ звонок звенит в ТВОЕЙ квартире...

Жизнь без любимого пуста и безвидна, совсем как земля до сотворения мира. Чувствую себя хронически подавленной, и вряд ли мне удастся это скрывать. Настроение нервное, мысли суетливые. Ни внешних, ни внутренних сдерживающих факторов у меня больше нет, и я энергично вступаю в бессмысленные короткие отношения с мужчинами, почти ничего при этом не чувствуя.

С тех пор как с нами со всеми случилась Перестройка, многое упростилось. То есть если с продуктами стало труднее, то с формированием летучих любовных союзов существенно легче. Люди держатся свободней и развязнее. Наверное, потому, что общественность перестала вмешиваться в личные дела граждан. Ведь руководящая ее часть серьезно

занялась политикой и предпринимательством, а подчиненная, из низов, вместе со всеми кинулась бороться за жизнь. Я же бросилась спасаться от тоски через нетребовательную сексуальную активность. Потому что секс, по моим наблюдениям, немного похож на любовь, а значит, способен ее в крайнем случае заменить.

Мой папа, кадровый военный, внезапно уволенный в запас, считает Перестройку катастрофой. Прямо смешно его слушать. Тем более что папа безработным не стал и теперь подвизается в администрации одного заводика. Он говорит: какую страну развалили! Это да, развалили, не спорю. Но разве катастрофа выглядит так? Подумаешь – страна! Милый папа, катастрофа – это когда твой любимый... Впрочем, ты все равно не поймешь. А к Перестройке я особых претензий не имею, даже как-то веселее стало. Но вот видел бы мой бывший, мой горько любимый Леня – Ленечка – Леонид, какими кавалерами я не брезговала весь минувший год!

Один спустился с абхазских гор и трудился, кажется, на ниве бандитизма. Он не прекращал материться, даже объясняясь в любви.

Другой – адвокат – сочетал ущербную амбициозность с вороватой похотливостью. Неопрятные усы роняли перхоть на брюки. Практика у парня была солидная, времени на ухаживания не хватало. Так что, управляя автомобилем одной левой, он имел обыкновение деловито шарить по мне правой рукой, как бы желая совместить целенаправленное движение с торопливой любовной возней.

Третий – из бакинских армян – демонстрировал всю ярость и незащитность маргинальной личности. На поясницу наматывал шарф, грея отбитые почки. Днем изливался печальными стихами; вечерами в команде отравленных межнациональной рознью соотечественников вдохновенно лупил азеров...

Цену таким отношениям я, естественно, сознаю, но после разрыва с Леной стала воспринимать себя приблизительно как нечто, найденное на помойке. А раз с помойки – то уже и то хорошо, что хоть кто-то зарится. Знакомлюсь где придется, мне без разницы. И все на автомате – надо же как-то существовать и тогда, когда тебя больше не любят. На самом деле мне не нужен никто, кроме *него*; я никому ничего не могу отдать, у меня ничего не осталось. Я просто пытаюсь держаться на плаву.

А кроме того, на периферии сознания мечется еще что-то вроде надежды: вдруг новое яркое чувство все-таки украсит мою жизнь! Если же так ничего и не получится, через сколько-то лет подведу итог: тебе не в чем себя упрекнуть, бедная девочка, – скажу себе с любовью и состраданием, – ты сделала все, что могла. Просто тот, кто нужен, после Лени уже не появился.

– Как ты, дочка? – бегло поинтересовалась мама. И сразу жизнерадостно информировала: – Мы с отцом Барсика кастрировали. Только-только из ветеринарки.

– Как?! Так он же... – я с ходу взрыднула.

– Надюш, да как иначе? – огорчилась мама. – Что хорошего, если домашний кот каждый день в подъезд шляется, сама подумай!

– Ну да, – всхлипнула я. – И как он?

– Ну как? Отходит от наркоза. Да ему теперь только лучше будет, вот увидишь. Перестанет к своей задрыге таскаться и станет наслаждаться жизнью, – деловито пообещала мама.

В последнее время кот постоянно уходил из квартиры, но не для поисков сексуальных приключений, как я теперь, например, а для встреч с одной-единственной тощей палевой кошкой, живущей во дворе, – его избранницей. Странно, но Барсик не проявлял никакой обычной для котов неразборчивости, его интересовала только эта подружка.

Вот и я, когда была с Леной, ни в ком больше не нуждалась...

– Мам, – говорю, – а как он ей объяснит?

– А он не должен ничего объяснять, – безжалостно возразила мама. – Пусть ей теперь другие объясняют.

Представляю горе бедной кошки – за что? Почему? Все ведь было так хорошо...

– И потом, – продолжала рассуждать мама, – там столько ухажеров, эта помоечная и не заметит ничего. А нашему хватит уже грязь собирать, он культурный котик из хорошей семьи.

– Бедный, – говорю. – Проснется – а любви как не бывало. Катастрофа!

– Нет, – возразила мама, – это спасение. Он проснется и поймет, что бежать наконец-то никому не надо. Обрадуется, поест и станет в окно смотреть. Вот тебе и счастье.

Как просто! А моя любовь корчится, но не умирает. Я постоянно думаю о Лене. Вспоминаю с привычной навязчивостью наши последние месяцы. Как тогда много плакала, требуя внимания (как будто не бессмысленно этого *требовать!*). А ведь совсем недавно мы с равным нетерпением ожидали встреч!.. Потом их стала ждать только я.

Вспоминаю все это и пытаюсь понять, что там можно было исправить, чтобы избежать разрыва... Вот мы с любимым подъезжаем к моему дому, и, еще не простившись со мной, Леня уже куда-то спешит: в гараж, на работу, на важную встречу. А я не имею сил попрощаться и уйти, хотя и слышу, как в его голове, сразу включившись, бодро затикал таймер. Пробую сопротивляться, сижу, вцепившись в сиденье. «Я... скучаю по тебе...» – выдавливаю слова. Мне тяжело говорить, потому что все это уже много раз сказано, и он меня давно не слышит. «И я по тебе скучаю, – с сентиментальной грустинкой сообщает милый. – Ну, давай, беги, а то уже опаздываю...» Некоторое злорадное утешение получаю, от души хлопнув дверцей ненаглядной его машинки – Леня этого ужас как не любит. «Я не *опять* обиделась, – возражаю на усталый вопрос. – У меня обида хроническая». Ему всерьез надоели мои жалобы, но я не могу остановиться – он ускользает от меня, и это мучительно. Я совершаю одну глупость за другой...

Шум на лестничной площадке вытолкнул из засасывающих воспоминаний. О господи! Да что там такое? Подбежала к глазку. Ну ясно: соседи опять дерутся. Обычное дело. Год назад, когда агонизировал наш с Леной роман, они тоже подрались и отец серьезно порезал сына. Вроде бы выпивали, заспорили, схватились за ножи... Парень лежал на полу у входной двери в темно-красной застывающей луже, и голова с перерезанной наискось шеей была неловко подвернута. «Скорая» выносила его на одеяле. Он качался, как в гамаке. И мы тогда думали, что он умер.

Между тем сосед выжил. Пришел из больницы с кривой шеей, и они с матерью забрали заявление из милиции. Покинув следственную тюрьму, домой вернулся слегка виноватый папаша. Жизнь благородного семейства почти тотчас же вошла в прежнюю колею пьянок и драк.

А у меня тогда так ничего и не наладилось, и через пару недель мы с Леной совсем расстались. Состоялось очередное объяснение. Я, по своему обыкновению, плакала и жаловалась: «Так тяжело... Все время жду чего-то, ты всегда не со мной...» Он сокрушенно кивал с виноватым видом. И тут я выпалила, словно ва-банк сыграла: «Ты что – разлюбил меня?..»

Ну разве такие вопросы задаются для прояснения реального положения дел?! Да нет же! Об этом спрашивают, только чтобы услышать горячее опровержение и чтобы после сентиментального объяснения, проникнутого взаимным страхом потерять друг друга, все сразу устроилось к лучшему. А Леня помялся и, не глядя на меня, пробормотал: «Не знаю... Как-то все разладилось...» Словно плетью ожег.

Оказалось, сколько я ни страдала от его охлаждения, а все-таки совершенно не готова была принять уже вполне определенную горькую правду. Залопотала нечто невнятное, глупое, беспомощное: ведь так не может быть... Мы же любим друг друга, да?.. Потом состоялось что-то вроде примирения. Он сказал: «Ну давай не будем расставаться. Давай встре-

чаться, когда сможем, ну я постараюсь...» Где уж мне было потянуть такой безнадежный план, хотя я на него и согласилась! Сразу за тем у нас случилась «любовь», какая-то суетливая – Леня, естественно, спешил. Потом он повез меня домой, и по дороге, когда мчались в плотном потоке машин, я устроила такую истерику с открыванием двери на ходу, что мы уже не помирились никогда. И теперь, если случайно видимся, делаем вид, будто никакого общего прошлого у нас никогда не было.

Теперь я встречаюсь с Васей. Работаем в одном институте. Раньше и Леня подвизался здесь же, но Перестройка вырвала из старой жизни наиболее деятельных, и Леня институт давно покинул. Он вообще из тех, кто, как говорится, умеет жить. И наукой занимался, пока это было перспективно; времена изменились – перестроился в бизнесмены. Вася – дело другое, тот реально тащится от своей математики, что мне, кстати, очень в нем нравится. Жаль, что душа у меня такая ободранная – не могу влюбиться в умницу Васю. А с другой стороны – может, и не стоит. Не уверена, что он сам ответил бы мне горячей взаимностью. В целом мы отлично ладим, но отношения эти – словно проходные дворы: будто с их помощью пытаемся только поскорее проскочить к *настоящей* жизни.

Как-то раз сгоряча предложила ему сходить в театр.

– В театр? – переспросил он, изумленно вскидывая брови. – Ты действительно хочешь в театр? – Словно я попросила сводить меня в мужскую баню.

– На оперу, – машинально уточнила, теряя интерес к собственному предложению.

...С Ленькой мы любили слушать оперу. Он увлеченно рассказывал о секвенциях Чайковского, о мелизмах и фиоритурах. А я внимала ему как оракулу, сердце рвалось навстречу любимому и пело: о, я люблю! как я люблю все эти секвенции и все фиоритуры!..

Вот лучше бы не вспоминала. Зачем постоянно гонять в голове всю эту тоску о невозвратном? И снова наткаться на калечащее «никогда»? И на этот ворох безответных «почему»... Почему не удастся радоваться тому, что было, а только тому – что есть или будет? Почему прошлое счастье не греет, а жжет? Почему оно не лежит в памяти нажитым богатством, а мучает как невосполнимая потеря, как опаленная дыра в нежной мякоти души?..

– Или, знаешь, давай лучше не пойдем в театр, – внесла я новое предложение.

– Нет так нет, – откликнулся Вася.

Со случайным партнером предпочтительнее заниматься сексом, чем посещать какие-то духоподъемные места, где переживания намного интимнее и требуют куда большей реальной близости. А с Леней я была счастлива и в сексе, и без. Ведь когда любишь, не так уж важно, что делать вместе.

Неожиданно это мое впечатление подтвердил и наш кастрированный Барсик. Вопреки маминым предсказаниям после операции кот не устроился в кресле и не возлег на подоконнике, чтобы всю оставшуюся жизнь провести в сладком сне и созерцании заоконных событий. На другой же день он утек в подъезд. Да так и повадился уходить ежедневно. С самого утра садился в прихожей и, задрав голову, выразительно смотрел на дверь, время от времени напоминая о себе звучным мявом. Если его не выпускали, терпеливо караулил чьи-либо приходы и уходы, ловко вышмыгивал в едва образовавшийся проем и отправлялся по знакомому маршруту. Потом возвращался. А через некоторое время снова дежурил у двери.

Никаких чудес, конечно, с Барсиком в подъезде не происходило. Обесточенную репродуктивную машинку запустить он уже не мог. Но, несмотря на половую несостоятельность кота, дворовая подружка все равно топталась на лестнице, ожидая его. И он сам, оставшись без главного аргумента самцов, почему-то не утратил интереса к палевой кошке. Встретившись, они часами сидели рядом, мелко перебирая передними лапами, словно устраиваясь

провести в этой позе долгую жизнь и надрывая сердце моей бедной мамы, и без того давно раскаявшейся в совершенном над котом насилии.

Ну а я плакала от умиления. И от зависти к Барсиковой подружке: Ленечка никогда меня так не любил. Он был горяч и восторжен только в начале отношений, несколько месяцев, может быть год, пока все казалось новым и праздничным. А когда роман естественным образом вошел в фазу «принятия решений», начал тормозить на каждом опасном повороте.

С Васей вообще всё иначе. С ним здорово болтать, хохотать, упиваться оргазмами. Им можно любоваться. Его интересно слушать. Но любви нет. Ни я не люблю, ни меня не любят.

В сексе он как опытный диспетчер, сидящий за пультом сложного устройства. Грамотно трогает кнопочки, дергает рычажочки. Секс с Васей похож на занимательную математику. Но спасибо и за то. Благодаря ему я забываюсь и ухожу от тоскливых терзаний последнего года – я опять летаю. Не так уже беззаботно и не в такой огромности, как с Леней, но все-таки... лечу... И упасть не страшно – после потери любви полет мой невысок.

Это с Леней, бывало, сердце, как на русских горках, взмывало и обрушивалось вниз, норовя разорваться от перегрузок: взлет – на дикой высоте восторга, когда любовь и пик счастья; срыв – на жуткой глубине отчаяния, если ссора и охлаждение... Теперь же Вася не смог бы, даже если б захотел, запустить во мне эти качели. Механизм сломан, а как чинить, наверное, знает только Ленька.

С Васей у нас отношения довольно странные... После совместной постельной акробатики расслабленным голосом он вдруг начинает разговор.

– Не хотел тебя расстраивать, – говорит, – я тут кровь на СПИД сдавал...

– Ну!

– Не хотел... – бормочет опять Вася и надолго затихает.

– Ну уж начал! – Я резко села в кровати, готовясь к худшему. – Говори.

– Сколько лет донором... – замямлил он и замолк.

– Ага, молодец, – похвалила наспех. – Что там со СПИДом?

– Ну там предварительно нужно сдать на RW и на... – Вася вздохнул.

– Я поняла! Давай дальше!

– Ты не волнуйся, с RW все нормально, сифилиса нет, – заверил он.

– Слава тебе господи!

– Со СПИДом хуже, – продолжил бесстрастно. – Завернули меня.

Пауза. Я уже не на шутку нервничаю, а он задумчиво молчит.

– Вась, что дальше?

– Похоже, того, говорят...

– Чего того?

– Известно, чего.

– Ну!

– Не понукай, Надюш. Сбиваешь. Говорят, надо перепроверить.

– Ну?

– Не понукай, – опять попросил он меланхолично.

– Вася!

– Возможна ошибка.

– Ну так надо же перепроверить!

– А как же, лапуль, сразу и перепроверил.

– И что?

– Ничего.

– В смысле?

– Не нашли.

– Чего?

– СПИДа. Поздравляю тебя, мы совершенно здоровы.

– Свинья! – Я легла и повернулась к нему спиной.

Немножко пообижалась. Потом помирились. Обнялись и поспали. А утром отправились на работу. В обед в столовой столкнулась с Ленькой. Какие-то дела его все еще забрасывают иногда в наш институт, и для меня эти встречи – всегда порция освежающего адреналина.

– Видел тебя сегодня утром у проходной, – буркнул он после нескольких натянутых фраз. – Как раз мимо ехал... Идут, понимаешь, ручонками сцепились... Сладкая парочка.

Вот это у удачно с Васькой прошла! Так невзначай и уела милого. Ну и пусть у него это маленькая ревность собственника и ни капли завалящей любви! Все-таки больше, чем ничего.

Кто-то думает, лучше совсем не видеться с бывшим. Будто бы так легче пережить и забыть. Я, наверное, просто совершенно не готова забывать Леньку. Наверное, не хочу этого, как ни тяжело мне помнить. Может, все-таки надежда? Или предчувствие бессмысленной пустоты в душе, если его там не будет? Когда, например, представляю, что Леня перебрался в Америку – теперь ведь многие уезжают, – жутко становится от бесконечности километров между нами, от окончательной невозможности встреч. А когда вижу его, мне кажется, не все еще потеряно и в глубине души он тоже без меня скучает. Я говорю себе: это ведь не самое худшее – расстались! Пока все живы, всё не так уж плохо.

Папа мой считает, что голова у меня забита ерундой. Притом еще, что он, собственно, не в курсе, какой именно и до какой степени забита. Конечно, если посмотреть на мою несчастную любовь в мировом масштабе – она должна-таки выглядеть ерундой. Но мне-то что до того? Для меня важнее ничего в мире нет! Сам папа зато заморочен дисциплиной на заводе, его голова забита ею под завязку. И что? Разве в мировом масштабе это не ерунда? А если посмотреть на заводскую дисциплину из космоса – не ерунда? Просто так вся жизнь устроена, все зависит от системы координат. Вряд ли какой-нибудь муравей в муравейнике в мировом масштабе кажется значительнее других муравьев. Даже если он лично несет в общую кучу целого жука в двадцать раз тяжелее его самого. А все равно для муравья его жизнь – это целый космос. А космос для него просто не существует.

Васина голова забита математикой. Вася кандидат наук и трудится над докторской диссертацией. Я же в его голове существую, очевидно, совсем уже где-то на выходе, и к математике он меня не подпускает. На случай общения со мной у него всегда наготове большой набор дурачеств. Например, он совершенно серьезно спрашивает:

– А ты замечала, Надюш, какой у меня румянец?

– А что с твоим румянцем?

– Он же нежный, как у девушки! – Вася часто восхищается сам собой, когда смотрит на жизнь из той системы координат, которая предназначена у него для меня. Причем предметом восхищения всегда являются какие-нибудь пустяки, вроде румянца.

Ужасно смешно. Со мной он любит себя расхваливать с самым абсурдным бесстыдством, а серьезно практически никогда не говорит. Но я-то претендую на серьез.

– Слышала, статья твоя вышла, – осторожно подсказываю тему. – Событие! Может, про статью? А то затянул про румянец.

– Милая, не надо завидовать, – задушевно советует Вася. – Ты тоже неплохо выглядишь.

– Мог бы и похвалиться журнальчиком, мне интересно, – пытаюсь вернуть его все-таки к статье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.